

Правовые позиции

Комитета ООН по правам человека,

*Комитета ООН по ликвидации расовой
дискриминации,*

*Комитета ООН по ликвидации
дискриминации в отношении женщин,*

Комитета ООН по правам инвалидов

**и практика их реализации при
рассмотрении конкретных сообщений**

В силу п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; [статьи 31 - 33](#)). Согласно пункту "b" части 3 [статьи 31](#) Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика межгосударственных органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении уголовных, гражданских дел, а также дел об административных правонарушениях учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

Тексты приведенных в настоящем сборнике соображений (мнений, решений) на русском языке, принятых межгосударственными договорными органами, были получены с помощью официальных сайтов этих органов.

Тексты приведенных в настоящем сборнике соображений (мнений, решений) находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие».

Оглавление

Правовые позиции <i>Комитета ООН по правам человека</i> и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений.....	5
<i>Гражданско-правовые аспекты</i>	5
Право на личную жизнь.....	5
Право на уважение жилища	7
Свобода выражения мнения.....	10
Свобода религии.....	12
Право не подвергаться дискриминации (запрет дискриминации).....	19
<i>Уголовно-правовые аспекты</i>	19
Право на жизнь	19
Право не подвергаться пыткам (запрет пыток).....	31
Право лишенных свободы лиц на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности	40
Вопросы насильственного исчезновения	41
Право на личную неприкосновенность.....	45
Право на справедливое судебное разбирательство	45
Правовые позиции <i>Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации</i> и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений.....	51
Правовые позиции <i>Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин</i> и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений.....	59
Правовые позиции <i>Комитета ООН по правам инвалидов</i> и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений.....	79

Правовые позиции *Комитета ООН по правам человека* и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений

(практика за 2012 г.)

Комитет ООН по правам человека (далее - Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров.

Российская Федерация в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Гражданско-правовые аспекты

Право на личную жизнь

Сообщение: *Дмитрий Владимирович Булгаков против Украины.* Сообщение № 1803/2008. Соображения, принятые Комитетом 29 октября 2012 года.

Тема сообщения: написание имени автора в документах, удостоверяющих его личность, с использованием орфографии украинского языка.

Вопросы существа: произвольное и незаконное вмешательство в частную жизнь; запрещение дискриминации; защита меньшинств.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что понятие неприкосновенности личной жизни относится к сфере жизни лица, в которой оно может свободно проявлять свою идентичность, вступая во взаимоотношения с другими лицами или самостоятельно. Комитет далее напоминает, что фамилия человека является важным компонентом его личности, а защита от произвольного или незаконного вмешательства в его личную жизнь включает защиту от произвольного или незаконного

посягательства на право выбирать и изменять собственное имя¹ (пункт 7.2 Соображений).

Комитет принимает во внимание свою предшествующую юридическую практику², согласно которой он сделал вывод о том, что защита, предоставляемая статьей 17,³ охватывает право выбирать и изменять свое имя, и счел, что защита *a fortiori*⁴ защищает лиц от принудительного изменения их имени государством-участником (пункт 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: В связи с возможным нарушением статьи 17 Комитет принял к сведению аргумент автора о том, что использование украинского написания его имени и отчества в документах, удостоверяющих его личность, привело к тому, что он часто подвергался насмешкам, испытывал психологический дискомфорт и ощущал себя жертвой произвола, поскольку его имя звучало смешно для лиц, говорящих на русском языке⁵... Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что в Украине имена и отчества при переводе с одного языка на другой не транскрибируются, а "заменяются соответствующим, исторически сложившимся, эквивалентом" и что имя автора было изменено в целях соответствия украинской традиции присвоения имен (пункт 7.2 Соображений).

Комитет далее отмечает, что в данном случае государство-участник пошло далее транскрибирования имени и отчества автора и фактически изменило их на основе правил, содержащихся в украинской грамматике. Комитет поэтому считает, что одностороннее изменение государством-участником имени и отчества автора в официальных документах является необоснованным и равносильно незаконному и произвольному вмешательству в его личную жизнь в нарушение статьи 17 Пакта (пункт 7.3 Соображений).

¹ Сообщение № 453/1991, *Кориел и Орик против Нидерландов*, пункт 10.2.

² Сообщение № 1621/2007, *Райхман против Латвии*, пункты 8.3–8.5.

³ В силу статьи 17 Пакта «1. Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. 2. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

⁴ Тем более.

⁵ 24 августа 1991 года в день провозглашения независимости Украины автор стал украинским гражданином. В дальнейшем во внутреннем и в заграничном паспортах, выданных ему соответственно в 1997 и 1998 годах, его имя и отчество были изменены против его воли с "Дмитрій Владімірович" на "Дмитро Володимирович".

Выводы Комитета: Комитет по правам человека полагает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении статьи 17 Пакта (пункт 8 Соображений).

Право на уважение жилища

Сообщение: *Лиляна Асенова Найденова и др. против Болгарии.* Сообщение № 2073/2011. Соображения Комитета от 30 октября 2012 года.

Тема сообщения: Угроза выселения и сноса жилищ давно существующей общины рома.

Вопросы существа: Эффективные средства правовой защиты; незаконное и произвольное посягательство на неприкосновенность жилища; право на равенство перед законом/равную защиту закона; дискриминация по признаку этнической принадлежности.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что термин "жилище", использованный в статье 17 Пакта, следует понимать как означающий то место, в котором человек проживает или занимается своей обычной деятельностью⁶ (пункт 14.2 Соображений).

Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 17 Пакта для любого посягательства на неприкосновенность жилища необходимо, чтобы оно не только было законным, но и не было произвольным. Комитет считает в соответствии со своим замечанием общего порядка № 16 (1988) о праве на неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища и тайны переписки и защите чести и репутации, что концепция произвольности в статье 17 Пакта призвана гарантировать, чтобы даже предусмотренное законом вмешательство осуществлялось в соответствии с положениями, целями и задачами Пакта и в любом случае было разумным с учетом конкретных обстоятельств⁷ (пункт 14.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Авторы утверждают, что в случае выполнения приказа о выселении от 24 июля 2006 года и их последующего выезда из общины "Добри Желязков" они подвергнутся произвольному и незаконному

⁶ См. замечание общего порядка № 16 (1988) о праве на неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища и тайны переписки и защите чести и репутации, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок третья сессия, Дополнение № 40, A/43/40*, приложение, пункт 5.

⁷ Там же, пункт 4. См. также сообщения № 1510/2006, *Войнович против Хорватии*, Соображения, принятые 30 марта 2009 года, пункт 8.5, и № 687/1996, *Рохас Гарсия против Колумбии*, Соображения, принятые 3 апреля 2001 года, пункт 10.3.

посягательству на неприкосновенность их жилищ и, таким образом, нарушению их соответствующих прав по статье 17 Пакта... В настоящем сообщении неоспоримым является то, что община "Добри Желязков", в которой находятся жилища авторов и в которой они непрерывно проживали, существует с молчаливого согласия органов власти государства-участника более 70 лет и что адреса авторов зарегистрированы в полиции. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к тому убеждению, что дома авторов общины "Добри Желязков" являются их "жилищами" по смыслу статьи 17 Пакта вне зависимости от того факта, что авторы не являются законными владельцами участка земли, на котором были возведены эти дома (пункт 14.2 Соображений).

Теперь Комитет должен определить, будут ли выселение авторов и снос их домов представлять собой нарушение статьи 17 Пакта в том случае, если приказ о выселении от 24 июля 2006 года будет выполнен. Нет никакого сомнения в том, что в случае выполнения приказа о выселении это приведет к утрате авторами их жилищ и что, соответственно, будет иметь место посягательство на неприкосновенность их жилищ (пункт 14.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника относительно того, что факт непредставления авторами никаких доказательств, подтверждающих их право собственности на участок земли, на котором находятся строения общины "Добри Желязков", достаточен для установления законности приказа о выселении, принятого 24 июля 2006 года. Даже предполагая, что выселение авторов и снос их домов допускаются законодательством государства-участника, в частности статьей 65 Закона о муниципальной собственности и пунктом 5 статьи 178 Закона о территории, Комитет отмечает вместе с тем, что еще необходимо ответить на вопрос о том, будет ли такое вмешательство произвольным (пункт 14.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждения авторов относительно того, что община "Добри Желязков" существовала с молчаливого согласия властей государства-участника в течение более 70 лет, что "зеленая зона" была создана ретроактивно и что, по словам мэра муниципалитета Софии, подрайон Выздрядане, им не может быть предоставлено социальное жилье, поскольку они живут в домах, незаконно возведенных на муниципальной земле (см. пункт 2.4 выше). Комитет отмечает далее, что, хотя власти государства-участника в принципе имеют право на выселение авторов, которые незаконно занимают муниципальную землю, отсутствие у них прав

собственности на соответствующий участок муниципальной земли является единственным заявленным обоснованием для принятия приказа о выселении в отношении общины "Добри Желязков" и что государство-участник не указало никакой насущной необходимости в качестве причины принудительного выселения авторов из их жилища до предоставления им надлежащего альтернативного жилья (пункт 14.5 Соображений).

Комитет считает весьма показательным тот факт, что в течение нескольких десятилетий власти государства-участника не предпринимали никаких действий для выселения авторов или их предков и, соответственно, де-факто мирились с присутствием неформальной общины "Добри Желязков" на муниципальной земле. Более того, несмотря на принятие приказа об отчуждении в 1974 году, община в течение более 30 лет после этого оставалась на прежнем месте. Хотя ее неформальные жители не могут претендовать на право оставаться там в течение неопределенного периода времени, бездействие властей привело к развитию у авторов прочной привязанности к поселению "Добри Желязков" и формированию в нем общинной жизни. По мнению Комитета, эти факты должны были учитываться при принятии решения о том, предпринимать ли какие-либо действия в отношении жилищ авторов, возведенных на муниципальной земле, и если да, то какие. Приказ о выселении от 24 июля 2006 года был основан на разделе 65 Закона о муниципальной собственности, в соответствии с которым лица, незаконно приживающиеся на муниципальной земле, могут быть выселены вне зависимости от каких бы то ни было особых обстоятельств, таких, например, как десятилетиями складывавшаяся общинная жизнь, или возможных последствий, таких как бездомность, и при отсутствии какой-либо насущной необходимости изменять сложившееся положение. Иными словами, согласно соответствующему национальному закону муниципальные органы власти и суды государства-участника не были обязаны принимать во внимание те или иные соответствующие интересы или учитывать целесообразность немедленного выселения авторов (пункт 14.6 Соображений).

С учетом многолетнего и беспроблемного пребывания авторов в общине "Добри Желязков" Комитет считает, что, не обеспечив должного учета обстоятельств выселения авторов из общины "Добри Желязков", таких как риск бездомности, в ситуации, в которой они не могут сразу же переселиться в удовлетворительное альтернативное жилье, в случае выполнения приказа о выселении от

24 июля 2006 года государство-участник нарушит права авторов, предусмотренные статьей 17 Пакта (пункт 14.7 Соображений).

Выводы Комитета: в случае выполнения приказа о выселении от 24 июля 2006 года государство-участник совершит произвольное посягательство на неприкосновенность жилищ авторов и тем самым нарушит права авторов, предусмотренные статьей 17 Пакта (пункт 14.7 Соображений).

См. также *Джойс Навила Чити против Замбии*. Сообщение № 1303/2004. Соображения, принятые Комитетом 26 июля 2012 года (указанное сообщение приведено в настоящем сборнике).

Свобода выражения мнения

Сообщение: *Владимир Кацора против Республики Беларусь*. Сообщение № 1836/2008. Соображения, принятые Комитетом 25 октября 2012 года.

Тема сообщения: назначение административного ареста физическому лицу за распространение листовок в нарушение права на распространение информации без необоснованных ограничений.

Вопросы существа: право на распространение информации; допустимые ограничения.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 34 (2011 год) по вопросу о свободе мнений и праве на их свободное выражение⁸, в котором говорится, в частности, что свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности, что они имеют ключевое значение для любого общества и что они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества⁹. Любые ограничения свободы выражения мнений должны строго отвечать требованиям необходимости и соразмерности и должны "устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и они должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют"¹⁰ (пункт 7.3 Соображений).

Комитет напоминает о том, что именно государству-участнику надлежит продемонстрировать, что ограничения права автора сообщения в

⁸ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят шестая сессия, Дополнение № 40, том I (A/66/40 (Vol. I)), приложение V.

⁹ Там же, пункт 2.

¹⁰ Там же, пункт 23.

соответствии со статьей 19 являются необходимыми, и что, даже если государство-участник вводит систему, направленную на достижение равновесия между свободой индивидуума на распространение информации и общей заинтересованностью в поддержании общественного порядка в определенной области, такая система не должна функционировать таким образом, который противоречит положениям статьи 19 Пакта¹¹ (пункт 7.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принял к сведению утверждение автора сообщения о том, что применение закона "О массовых мероприятиях" явилось нарушением его прав в соответствии с пунктом 2 статьи 19 и статьи 21 Пакта. Таким образом, Комитету сначала надлежит установить, является ли ограничение прав автора сообщения на свободу выражения мнений (право на распространение информации) и назначение ему административного ареста за распространение листовок в связи с проведением двух мероприятий в 2006 и 2008 годах, на проведение которых разрешение еще не было получено, нарушением его прав в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта (пункт 7.2 Соображений).

Комитет далее принимает к сведению объяснение государства-участника относительно того, что к автору сообщения была применена мера административного взыскания в соответствии с национальным законодательством за нарушение установленного порядка организации и проведения массового мероприятия. Комитет отмечает, что пункт 3 статьи 19 Пакта предусматривает некоторые ограничения, которые, однако, должны быть установлены законом и должны являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц и б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Таким образом, Комитету надлежит определить, являются ли ограничения права автора на свободу выражения мнений, хотя они и предусмотрены законом, оправданными согласно какому-либо из критериев, изложенных в пункте 3 статьи 19 (пункт 7.4 Соображений).

Комитет принял к сведению объяснение государства-участника относительно того, что закон "О массовых мероприятиях" призван создать условия для реализации конституционных прав и свобод граждан и обеспечения общественной безопасности и порядка при проведении массовых мероприятий на улицах, площадях и в иных общественных местах. Вместе с тем он отмечает, что государство-участник не представило никаких конкретных пояснений в обоснование того, почему

¹¹ См., например, сообщение № 1226/2003, *Виктор Корнеенко против Беларуси*; Соображения, принятые 20 июля 2012 года, пункт 10.8.

введение ограничений в отношении прав автора сообщения в соответствии с пунктом 2 статьи 19 являлось необходимым в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта для достижения какой-либо из указанных целей... С учетом информации, которой располагает Комитет, и в связи с отсутствием каких-либо относящихся к делу разъяснений со стороны государства-участника Комитет приходит к выводу о том, что применение мер наказания по отношению к автору сообщения за распространение им самим и другими лицами листовок, в которых населению сообщалось о запланированном, хотя еще не разрешенном, массовом мероприятии без указания времени и места его проведения, и объявление о предстоящей встрече с экс-кандидатом в президенты не могут считаться ограничениями свободы автора сообщения искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, которые могут быть признаны необходимыми для охраны государственной безопасности или общественного порядка или для обеспечения уважения прав или репутации других лиц. Соответственно, с учетом обстоятельств данного дела Комитет делает вывод о том, права автора, предусмотренные пунктом 2 статьи 19 Пакта, были нарушены (пункт 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека считает, что предъявленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора сообщения, предусмотренных пунктом 2 статьи 19 Пакта (пункт 8 Соображений).

Свобода религии

Сообщение: *Бикрамджит Сингх против Франции.* Сообщение № 1852/2008. Соображения, принятые Комитетом 1 ноября 2012 года.

Тема сообщения: исключение автора из государственной школы за ношение дастара.

Вопросы существа: право исповедовать свою религию; право на личную жизнь; недискриминация.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 22 относительно статьи 18 Пакта¹² и считает, что

¹² В силу статьи 18 Пакта «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. 2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали,

свобода исповедовать какую-либо религию предусматривает ношение определенных предметов одежды или головных уборов. Тот факт, что сикхская религия требует от исповедующих ее мужчин носить на публике тюрбан, не оспаривается. Ношение тюрбана считается религиозной обязанностью мужчины и также связано с самобытностью данного лица. Комитет, таким образом, считает, что ношение автором тюрбана или дастара является религиозно мотивированным действием и поэтому запрет носить его, содержащийся в Законе № 2004-228, составляет ограничение права пользования правом на свободу религии (пункт 8.3 Соображений).

Комитет должен определить, разрешено ли пунктом 3 статьи 18 Пакта ограничение свободы автора исповедовать свою религию или веру (пункт 1 статьи 18). В особенности, обязанность Комитета заключается в принятии решения о том, является ли ограничение необходимым и соразмерным преследуемой цели, как она определена государством-участником. Комитет вновь подтверждает, что государство имеет право ограничивать свободу исповедовать религию, если отправление религиозного культа представляет угрозу установленной цели по защите общественной безопасности, порядка, здоровья или морали, основным правам и свободам других лиц (пункт 8.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет должен вынести решение в отношении утверждения автора о том, что его исключение из школы за ношение дастара является нарушением его права на свободу религии, и, в особенности, его права исповедовать свою религию согласно статье 18 Пакта. По мнению автора, эта мера не является обоснованной, поскольку государство-участник не представило никаких доказательств того, что сикхская община представляла угрозу общественной безопасности, порядку, здоровью или морали или что ношение тюрбана, дастара или иного головного убора каким-либо образом повлияло на основные права других лиц. В этой связи Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что Закон № 2004-228 был принят после общенационального обсуждения в качестве средства прекращения напряженности и инцидентов, вызванных ношением религиозной символики в государственных начальных и средних школах, и с целью гарантировать нейтральность системы государственного образования в интересах плюрализма и свободы других лиц. Целью принятия Закона было внесение изменений в существующее законодательство, которое, поскольку оно в значительной

равно как и основных прав и свобод других лиц. 4. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

степени зависело от оценки поведения учащегося или наличия угрозы общественному порядку, было очень сложно применять и которое вело к очень различающимся толкованиям в разных школах. Комитет также отмечает мнение государства-участника о том, что оспариваемая мера, таким образом, преследовала законную цель, а именно, соблюдение конституционного принципа светскости в качестве средства сохранения уважения к нейтральности в государственной системе образования и мира и порядка в школах. Комитет далее отмечает утверждение государства-участника о том, что оспариваемая мера была соразмерна своей цели в той мере, в которой она применялась только к государственным школам и требовала инициирования диалога между учащимся и руководством школы. В данном конкретном случае до окончательного исключения автора директором лицея, ректором и школьным инспектором были проведены несколько собеседований (пункт 8.2 Соображений).

Комитет признает, что принцип светскости сам по себе является средством, с помощью которого любое государство-участник может стремиться защитить свободу религии для всего своего населения, и что принятие Закона № 2004-228 было откликом на фактические инциденты, связанные с вмешательством в свободу религии учеников, а иногда и с угрозой их физической безопасности. Комитет, таким образом, считает, что Закон № 2004-228 служит целям, связанным с защитой прав и свобод других лиц, общественного порядка и безопасности. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не утверждает, что светскость по определению требует, чтобы получатели государственных услуг избегали ношения явной религиозной символики или одежды во всех государственных зданиях или, в особенности, в школьных зданиях. Это правило было скорее введено в качестве отклика на определенные недавние инциденты (пункт 8.6 Соображений).

В настоящем деле Комитет отмечает утверждение автора, не оспоренное государством-участником, что для мужчин-сикхов ношение дастара или тюрбана не является просто религиозной символикой, но является неотъемлемой частью их самобытности и обязательным религиозным требованием. Комитет также отмечает объяснение государства-участника о том, что запрет на ношение религиозной символики относится только к символике и одежде, которые явным образом демонстрируют религиозную принадлежность, и не распространяется на неявную религиозную символику и что Государственный совет принимает в этой связи свои решения по каждому конкретному случаю. Тем не менее Комитет придерживается мнения, что государство-участник не представило неопровержимых доказательств того, что посредством ношения дастара автор мог бы представлять угрозу правам и свободам

других учащихся или общественному порядку в школе. Комитет также придерживается мнения о том, что наказание в виде постоянного исключения учащегося из государственной школы было несоразмерным и привело к серьезным последствиям для получения автором образования, на которое он, как и любое лицо его возраста, имеет право в государстве-участнике. Комитет не убежден, что исключение было необходимым и что в ходе диалога между руководством школы и автором действительно принимались во внимание его особые интересы и обстоятельства. Кроме того, государство-участник применило к автору эту наносящую вред санкцию не потому, что его собственное поведение представляло какую-либо конкретную угрозу, но исключительно из-за его принадлежности к широкой категории лиц, определяемых своим религиозным поведением. В этой связи Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что расширение категории лиц, которым запрещается выполнять свои религиозные обязанности, упрощает применение ограничительных мер политики. Тем не менее, по мнению Комитета, государство-участник не доказало, что пренебрежение правами таких лиц является необходимым или соразмерным достигнутым преимуществам (пункт 8.7 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет заключает, что исключение автора из лиц не было необходимым согласно пункту 3 статьи 18, нарушило его право исповедовать свою религию и составляет нарушение статьи 18 Пакта (пункт 8.7 Соображений).

Сообщение: *Ким Джун Нам и другие против Республики Корея.* Сообщение № 1786/2008. Соображения, принятые Комитетом 25 октября 2012 года.

Тема сообщения: альтернатива обязательной военной службе; отказ от военной службы по соображениям совести.

Вопросы существа: право на свободу мысли, совести и религии.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 22 (1993), в котором он постановил, что фундаментальный характер свобод, закрепленных в пункте 1 статьи 18, проявляется в том, что отступление от этого положения не допускается даже во время чрезвычайного положения, как это установлено в пункте 2 статьи 4 Пакта. Хотя в Пакте непосредственно не предусмотрено право на отказ от военной службы по соображениям совести, Комитет считает, что это право вытекает из статьи 18, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со

свободой совести¹³. Комитет далее отмечает, что свобода мысли, совести и религии охватывает право не исповедовать, а также право исповедовать убеждения, которых лицо сознательно придерживается. Обязательная военная служба в отсутствие возможности прохождения альтернативной гражданской службы означает, что лицо может быть поставлено в положение, когда оно лишается права выбирать, сообщать ли ему или нет о своих убеждениях, которых оно сознательно придерживается, будучи связано какой-либо юридической обязанностью, либо нарушить закон, либо пойти против своих убеждений в условиях, когда может возникнуть необходимость лишить жизни другого человека (пункт 7.3 Соображений).

В этой связи Комитет вновь повторяет, что право на отказ от военной службы по соображениям совести является неотъемлемой частью права на свободу мысли, совести и религии. Оно предусматривает освобождение лица от обязательной военной службы, если последняя не соответствует религии или убеждениям данного лица. Это право не должно нарушаться в результате принуждения. Государство-участник может при желании обязать лицо, отказывающееся от военной службы, нести альтернативную гражданскую службу вне военной сферы и не под военным командованием. Альтернативная служба не должна носить характер наказания, а скорее являться реальной службой обществу и соответствовать принципу уважения прав человека¹⁴ (пункт 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что их права, предусмотренные пунктом 1 статьи 18 Пакта, были нарушены в связи с отсутствием в государстве-участнике альтернативы обязательной военной службе, в результате чего их отказ от прохождения военной службы привел к их уголовному преследованию и тюремному заключению. Комитет отмечает, что в настоящем деле государство-участник вновь привело доводы, содержащиеся в ответе на предыдущие аналогичные сообщения¹⁵, находившиеся на рассмотрении Комитета, особенно в том, что касается национальной безопасности, равенства военной и альтернативной службы и отсутствия общенационального консенсуса по этому вопросу. Комитет утверждает, что он уже комментировал эти доводы в своих

13 См. например, сообщения № 1642-1741/2007, *Чён и др. против Республики Корея*, Соображения, принятые Комитетом 24 марта 2011 года.

14 См. например, сообщения № 1642-1741/2007, *Чён и др. против Республики Корея*, Соображения, принятые Комитетом 24 марта 2011 года.

15 Сообщения № 1321 и 1322/2004, *Юн и Чхве против Республики Корея*, Соображения, принятые Комитетом 3 ноября 2006 года; сообщения № 1593-1603/2007, *Чжун и др. против Республики Корея*, Соображения, принятые Комитетом 23 марта 2010 года.

предыдущих Соображениях¹⁶, и поэтому не видит причин для отступления от занятой им ранее позиции (пункт 7.2 Соображений).

Что касается рассматриваемого дела, то Комитет считает, что отказ авторов от несения обязательной военной службы проистекает из их религиозных убеждений, истинность которых не оспаривается, и что последующее осуждение авторов и вынесение им обвинительных приговоров равносильно ущемлению их права на свободу совести в нарушение пункта 1 статьи 18 Пакта. Репрессии в связи с отказом от прохождения обязательной военной службы, применяемые к лицам, которым совесть или религия запрещают применение оружия, несовместимы с пунктом 1 статьи 18 Пакта¹⁷ (пункт 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Республикой Корея в отношении каждого из авторов пункта 1 статьи 18 Пакта (пункт 8 Соображений).

Сообщение: *Сенка Атасой против Турции.* Сообщения № 1853/2008 и № 1854/2008. Соображения, принятые Комитетом 29 марта 2012 года.

Тема сообщения: отказ от военной службы по соображениям совести.

Вопросы существа: право на свободу мысли, совести и религии.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в своем решении о неприемлемости сообщения № 185/1984, *Л.Т.К. против Финляндии*, он действительно указал, что эта фраза¹⁸ подтверждает вывод о том, что статья 18 непосредственно не предоставляет права на отказ от военной службы по соображениям совести. Вместе с тем с тех пор Комитет подтвердил, что иносказательное использование этой фразы в другом контексте "не признает и не исключает права на отказ от военной службы по соображениям совести"¹⁹ и таким образом не

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., например, сообщения № 1642-1741/2007, *Чён и др. против Республики Корея*, Соображения, принятые Комитетом 24 марта 2011 года.

¹⁸ «В тех странах, где признается право на отказ от военной службы по соображениям совести».

¹⁹ См. сообщения № 1321-1322/2004, *Юн и Чхве против Республики Корея*, Соображения, принятые 3 ноября 2006 года, пункт 8.2. Комитет отмечает, что впоследствии Европейский суд по правам человека пришел к аналогичному выводу в связи с аналогичной формулировкой, содержащейся в статье 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, что соответствовало толкованию Комитета: см. *Баятян против Армении*, заявление № 23459/03, судебное решение от 7 июля 2011 года, пункты 62-64; а также *Эрцеп против Турции*, заявление № 43965/04, судебное решение от 22 ноября 2011 года.

противоречит последствиям, неизбежно вытекающим из гарантированного Пактом права на свободу мысли, совести и религии (пункт 10.3 Соображений).

В этой связи Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 22 (1993), в котором он постановил, что фундаментальный характер свобод, закрепленных в пункте 1 статьи 18, проявляется в том, что отступления от этого положения не допускается даже во время чрезвычайного положения, как это установлено в пункте 2 статьи 4 Пакта. Хотя в Пакте непосредственно не предусмотрено право на отказ от военной службы по соображениям совести, Комитет вновь заявляет, что это право вытекает из статьи 18, поскольку обязательство использовать смертоносное оружие может серьезным образом противоречить свободе совести²⁰. Комитет вновь повторяет, что право на отказ от военной службы по соображениям совести является неотъемлемой частью права на свободу мысли, совести и религии. Оно предусматривает освобождение лица от обязательной военной службы, если последняя не соответствует религии или убеждениям данного лица. Это право не должно нарушаться принуждением. Государство-участник может при желании обязать лицо, отказывающееся от военной службы, нести альтернативную гражданскую службу вне военной сферы и не под военным командованием. Альтернативная служба не должна иметь характер наказания, а скорее являться реальной службой обществу и соответствовать принципу уважения прав человека²¹ (пункт 10.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что их права по пункту 1 статьи 18 Пакта были нарушены вследствие отсутствия в государстве-участнике альтернативы обязательной военной службе, в результате чего их привлекли к уголовной ответственности за отказ от несения военной службы; при этом г-н Саркут потерял свою работу. Он отмечает далее, что государство-участник не дало непосредственных разъяснений по данному вопросу, а только пояснило, что статья 18 как таковая не устанавливает "права на отказ от военной службы по соображениям совести". Государство-участник ссылается также на пункт 3 статьи 18, утверждая, что защита общественной безопасности и общественного порядка в демократическом обществе может вызывать необходимость введения некоторых ограничений (пункт 10.2 Соображений).

²⁰ См., например, сообщения № 1642–1741/2007, Чён и др. против Республики Корея, Соображения, принятые 24 марта 2011 года.

²¹ Там же.

Комитет также принимает к сведению довод государства-участника относительно статьи 18 Пакта, согласно которому "в тех странах, где признается право на отказ от военной службы по соображениям совести", служба Отечеству лиц, отказывающихся нести военную службу по соображениям совести, не является принудительным или обязательным трудом (пункт 10.3 Соображений).

Что касается рассматриваемых дел, то Комитет считает, что отказ авторов от несения обязательной военной службы проистекает из их религиозных убеждений, которые не были оспорены и являются истинными, и что последующее преследование авторов и вынесение им обвинительных приговоров равносильно покушению на их свободу совести в нарушение пункта 1 статьи 18 Пакта. Комитет напоминает о том, что репрессии в связи с отказом от несения обязательной военной службы, применяемые к лицам, которым совесть или религия запрещают применение оружия, несовместимы с пунктом 1 статьи 18 Пакта²² (пункт 10.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушениях Турецкой Республикой пункта 1 статьи 18 Пакта в отношении каждого из авторов (пункт 11 Соображений).

Право не подвергаться дискриминации (запрет дискриминации)

См. Николаос Катсарис против Греции. Сообщение № 1558/2007. Соображения, принятые Комитетом 18 июля 2012 года (указанное сообщение приведено в настоящем сборнике).

Уголовно-правовые аспекты

Право на жизнь

Сообщение: *Зоя Холодова против Российской Федерации. Сообщение № 1548/2007. Соображения, принятые Комитетом 1 ноября 2012 года.*

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 34²³, в соответствии с которым в отношении всех

²² Там же.

²³ См. замечание общего порядка Комитета № 34 (2011) о свободе мнений и их выражения, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят шестая*

случаев агрессии, которым подвергаются в том числе журналисты, следует проводить своевременное и тщательное расследование, виновных необходимо преследовать по закону, а жертвам, или в случае убийства их представителям, необходимо предоставлять надлежащие формы возмещения ущерба (пункт 23). Далее он напоминает, что в его замечании общего порядка № 31²⁴ подчеркивается, что непривлечение к ответственности лиц, виновных в совершении таких нарушений, может само по себе стать отдельным нарушением Пакта (пункт 18). В замечании общего порядка № 31 также сказано, что эти обязательства возникают, в частности, в случае таких нарушений, признаваемых уголовными, будь то по внутреннему или международному праву, как пытки и сходное с ними жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение (статья 7), казни без надлежащего судебного разбирательства и произвольные казни (статья 6) и насильственные исчезновения (статьи 7, 9 и зачастую статья 6). Комитет по-прежнему обеспокоен тем, что проблема безнаказанности лиц, виновных в совершении таких нарушений, может служить важным фактором, ведущим к их повторению (пункт 10.4 Соображений).

В этом контексте Комитет считает, что в демократическом государстве, где должен превалировать принцип верховенства закона, военная юрисдикция в уголовных делах должна иметь ограничительный и исключительный характер. В этой связи Комитет ссылается на принцип 9 Проекта принципов отправления правосудия военными трибуналами, который гласит: "при любых обстоятельствах компетенция военных судов должна уступать место компетенции обычных судов при расследовании дел о серьезных нарушениях прав человека, таких как внесудебные казни, насильственные исчезновения, пытки, и уголовном преследовании и осуждении лиц, совершивших эти преступления"²⁵ (пункт 10.5 Соображений).

сессия, Дополнение № 40, том I (A/66/40 (том I)), приложение V; см. также пункт 12 основных принципов и руководящих положений, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права (резолюция 60/147 Генеральной Ассамблеи, приложение): "жертва грубого нарушения международных норм в области прав человека должна иметь равноправный доступ к эффективным судебным средствам правовой защиты, как это предусмотрено международным правом".

²⁴ См. замечание общего порядка Комитета № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 40, том I (A/59/40 (том I)), приложение III.*

²⁵ См. E/CN.4/2006/58; см. также принцип 29 обновленного свода принципов защиты и поощрения прав человека посредством борьбы с безнаказанностью (E/CN.4/2005/102/Add.1), который устанавливает: "юрисдикция военных судов должна распространяться лишь на специфически воинские правонарушения, совершенные военнослужащими, за исключением нарушений прав человека, которые подпадают под юрисдикцию обычных национальных судов или, в соответствующих случаях, когда речь идет о тяжких преступлениях по международному праву, под юрисдикцию какого-либо международного или интернационализованного уголовного суда".

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что судебный процесс по данному делу проводился с нарушениями законодательства; что суды были необъективны, поскольку судьи были военными, а пять из шести обвиняемых также офицерами вооруженных сил, а также о наличии иерархической субординации между двумя судьями, председательствовавшими в суде первой инстанции. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло эти утверждения, но лишь заявило, что производство по делу в суде велось в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Комитет также отмечает утверждение автора о том, что офицеры, обвинявшиеся в организации взрыва и гибели ее сына, действовали вне рамок своих официальных полномочий военнослужащих и что обвинение указало на то, что они выполняли неофициальные приказы Министра обороны и не выступали в официальном качестве (пункт 10.3 Соображений).

В настоящем деле, несмотря на тот факт, что пятеро из шести обвиняемых, представших перед Московским окружным военным судом, были военнослужащими, очевиден и не вызывает сомнения тот факт, что они выступали не в официальном качестве. Государство-участник не попыталось пояснить, помимо приведения цитаты из закона, по каким причинам именно военный суд был сочтен приемлемым органом для рассмотрения дела в отношении военнослужащих, обвиняемых в совершении этого тяжкого преступления. Соответственно, право автора на возмещение вреда ей лично и от имени ее сына было серьезно нарушено. Следовательно, Комитет делает вывод о нарушении прав автора, предусмотренных пунктом 3 а) статьи 2, которую следует рассматривать совместно с пунктом 1 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах. В свете этого вывода Комитет постановляет не рассматривать отдельно жалобы автора в соответствии с пунктом 1 статьи 14 Пакта (пункт 10.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет делает вывод о нарушении прав автора, предусмотренных пунктом 3 а) статьи 2, которую следует рассматривать совместно с пунктом 1 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 10.5 Соображений).

Сообщение: *Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Республики Беларусь.* Соображения Комитета от 29 октября 2012 года. Сообщение № 2120/2011.

Тема сообщения: вынесение смертного приговора после несправедливого судебного разбирательства.

Вопросы существа: Произвольное лишение жизни; пытки и жестокое обращение; произвольное лишение свободы; право в срочном порядке быть доставленным к судье; право на справедливое азбирательство независимым и беспристрастным судом; право на презумпцию невиновности; право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься со своим защитником; право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным; право на пересмотр осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией; временные меры во избежание нанесения непоправимого ущерба предполагаемой жертве; право на свободу мысли, совести и религии; нарушение обязательств по Факультативному протоколу.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что при получении жалобы на жестокое обращение в нарушение статьи 7 государство-участник должно провести безотлагательное и беспристрастное расследование в этой связи²⁶. Комитет далее напоминает, что гарантию, изложенную в пункте 3 г) статьи 14 Пакта,²⁷ следует понимать как отсутствие любого прямого или косвенного физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых, чтобы добиться признания теми своей вины²⁸ (пункт 11.2 Соображений).

²⁶ См. замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, дополнение № 40 (A/47/40)*, приложение VI, раздел A, пункт 14.

²⁷ В силу пункта 3 статьи 14 Пакта «3. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; в) быть судимым без неоправданной задержки; г) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; д) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него; е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке; г) не быть принуждаем к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным».

²⁸ См., например, замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 41; сообщения № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 4 июля 1994 года, пункт 11.7; № 1033/2001, *Сингараса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 21 июля 2004 года, пункт 7.4; № 1769/2008, *Бондарь против Узбекистана*, Соображения, принятые 25 марта 2011 года, пункт 7.6.

Хотя значение термина "в срочном порядке" в соответствии с пунктом 3 статьи 9²⁹ должно определяться в каждом конкретном случае отдельно, Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 8 (1982) о праве на свободу и личную неприкосновенность³⁰ и о своей практике³¹, согласно которым задержка должна составлять максимум несколько дней (пункт 11.3 Соображений).

Комитет напоминает о своей практике³², которая отражена в его замечании общего порядка № 32 и согласно которой "презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом"³³. В этом же замечании общего порядка указано, что все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, в том числе воздерживаться от публичных заявлений, в которых утверждается о

²⁹ В соответствии со статьей 9 Пакта «1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. 2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение. 3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора. 4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно. 5. Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую искомой силой».

³⁰ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/37/40), приложение V, пункт 2.*

³¹ Комитет счел, что с учетом отсутствия каких-либо разъяснений государства-участника трехдневная задержка в доставлении лица к судье не удовлетворяет требованию срочности по смыслу пункта 3 статьи 9 (см. сообщение № 852/1999, *Борисенко против Венгрии*, Соображения, принятые 14 октября 2002 года, пункт 7.4). Комитет также пришел к заключению о том, что задержка сроком в одну неделю в случае дела о преступлении, наказуемом смертной казнью, не может считаться совместимой с пунктом 3 статьи 9 (см. сообщение № 702/1996, *Маклоуренс против Ямайки*, Соображения, принятые 18 июля 1997 года, пункт 5.6).

³² См., например, сообщения № 770/1997, *Гридин против Российской Федерации*, Соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 8.3; № 1520/2006, *Мвамба против Замбии*, Соображения, принятые 10 марта 2010 года, пункт 6.5.

³³ См. замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 30.

виновности обвиняемого³⁴; в нем также указано, что в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, и что средствами массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это подрывало презумпцию невиновности (пункт 11.4 Соображений).

Комитет напоминает, что в пункте 3 b) статьи 14 предусматривается, что обвиняемые лица должны иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с wybranными ими самими защитниками, это положение является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства состязательных возможностей³⁵. Право сноситься с защитником требует, чтобы обвиняемому был предоставлен скорый доступ к защитнику, а защитнику должна быть предоставлена возможность встретиться со своим клиентом без свидетелей и общаться с обвиняемым в условиях, которые полностью обеспечивали бы конфиденциальность их общения³⁶ (пункт 11.5 Соображений).

Комитет напоминает в этой связи, что, хотя система апелляции может не быть автоматической, предусмотренное пунктом 5 статьи 14³⁷ право на апелляцию налагает на государство-участник обязанность повторного рассмотрения по существу – как в плане достаточности доказательств, так и в плане соблюдения законодательства – осуждения и приговора таким образом, чтобы эта процедура делала возможным должное рассмотрение характера дела³⁸ (пункт 11.6 Соображений).

Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, в котором он отметил, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом, который не противоречит

³⁴ Там же, пункт 30.

³⁵ Там же, пункт 32.

³⁶ Там же, пункт 34. См. также сообщения № 117/2002, *Хомидов против Таджикистана*, Соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 6.4; № 907/2000, *Сигарев против Узбекистана*, Соображения, принятые 1 ноября 2005 года, пункт 6.3; № 770/1997, *Гридин против Российской Федерации*, Соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 8.5.

³⁷ В силу пункта 5 статьи 14 Пакта «каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону».

³⁸ См. замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 48; сообщения № 1100/2002, *Бандажевский против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2006 года, пункт 10.13; № 985/2001, *Алибоева против Таджикистана*, Соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.5; № 973/2001, *Халилова против Таджикистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.5; № 964/2001, *Саидова против Таджикистана*, Соображения, принятые 8 июля 2004 года, пункт 6.5; № 701/1996, *Гомес Васкес против Испании*, Соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 11.1.

положениям Пакта, и это предполагает, что "предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться, включая право на справедливое судебное разбирательство независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр судом высшей инстанции"³⁹. В этой связи Комитет напоминает о своей практике, согласно которой вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в котором не были соблюдены положения статьи 14 Пакта, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта⁴⁰ (пункт 11.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению жалобы авторов в соответствии со статьей 7⁴¹ и пунктом 3 г) статьи 14 Пакта на то, что на г-на Ковалева оказывалось физическое и психологическое давление с целью принуждения его к признанию и на то, что, хотя он отказался от своих признательных показаний в ходе судебного процесса, его признание служило основанием вынесения ему обвинительного приговора... Как следует из решения от 30 ноября 2011 года, Верховный суд счел, что г-н Ковалев изменил свои показания с целью добиться смягчения своего наказания, найдя, что признание обвиняемого и другие доказательства были получены в строгом соответствии с уголовно-процессуальными нормами и тем самым могут быть приобщены к делу в качестве доказательств. Однако государство-участник не предоставило никакой информации, свидетельствующей о том, что оно проводило какое-либо расследование в связи с этими утверждениями. С учетом этих обстоятельств должное значение необходимо придавать жалобам авторов, и Комитет приходит к заключению о том, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении прав г-на Ковалева, предусмотренных статьей 7 и пунктом 3 г) статьи 14 Пакта⁴² (пункт 11.2 Соображений).

³⁹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, дополнение № 40 (A/37/40), приложение V, пункт 7; см. также сообщение № 253/1987, Келли против Ямайки, Соображения, принятые 8 апреля 1991 года, пункт 5.14.*

⁴⁰ См. замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 59; сообщения № 719/1996, *Леви против Ямайки*, Соображения, принятые 3 ноября 1998 года, пункт 7.3; № 1096/2002, *Курбанов против Таджикистана*, Соображения, принятые 6 ноября 2003 года, пункт 7.7; № 1044/2002, *Шукурова против Таджикистана*, Соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 8.6; № 1276/2004, *Идиева против Таджикистана*, Соображения, принятые 31 марта 2009 года, пункт 9.7; № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Соображения, принятые 29 марта 2011 года, пункт 9.11; № 1545/2007, *Гунан против Кыргызстана*, Соображения, принятые 25 июля 2011 года, пункт 6.5.

⁴¹ В силу статьи 7 Пакта «никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам».

⁴² См., например, замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 60; сообщения № 1401/2005, *Кирпо против Таджикистана*, Соображения, принятые 27 октября 2009 года, пункт 6.3; № 1545/2007, *Гунан против Кыргызстана*, Соображения, принятые 25 июля 2011 года, пункт 6.2.

Что касается утверждений авторов о том, что г-н Ковалев был задержан 12 апреля 2011 года и впервые был доставлен к судье лишь 15 сентября 2011 года, т.е. через более чем пять месяцев после его ареста, Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло эти утверждения... Комитет считает, что задержка сроком в пять месяцев в доставлении г-на Ковалева к судье не совместима с требованием срочности, которое предусмотрено в пункте 3 статьи 9,⁴³ и, таким образом, является нарушением прав г-на Ковалева согласно этому положению (пункт 11.3 Соображений).

Комитет далее отмечает утверждения автора о том, что принцип презумпции невиновности не был соблюден, поскольку несколько государственных должностных лиц выступали с публичными заявлениями о виновности г-на Ковалева до вынесения ему обвинительного приговора судом, а СМИ публиковали для широкой общественности материалы предварительного следствия до начала рассмотрения этого дела судом. Кроме того, в ходе всего судебного процесса он содержался в металлической клетке, а в местных печатных изданиях публиковались фотографии, изображающие его в зале суда за металлической решеткой.... С учетом имеющейся информации и при отсутствии какой-либо другой информации в этой связи от государства-участника Комитет постановляет, что презумпция невиновности г-на Ковалева, гарантированная в соответствии с пунктом 2 статьи 14 Пакта,⁴⁴ была нарушена (пункт 11.4 Соображений).

Что касается жалоб авторов на то, что г-н Ковалев встречался со своим адвокатом лишь один раз в ходе предварительного следствия, что не соблюдался конфиденциальный характер их встреч, что у них не было достаточного времени для подготовки защиты и что адвокату неоднократно отказывали во встрече со своим клиентом.... Комитет считает, что описанные авторами условия, при которых г-н Ковалев получал помощь от своего адвоката в ходе предварительного следствия и в ходе судебного разбирательства, отрицательно повлияли на его возможности подготовки своей защиты⁴⁵. При отсутствии какой-либо

⁴³ Согласно пункту 3 статьи 9 Пакта «каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора».

⁴⁴ В силу пункта 2 статьи 14 Пакта «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону».

⁴⁵ См. сообщения № 1117/2002, *Хомидов против Таджикистана*, Соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 6.4; № 283/1988, *Литтл против Ямайки*,

информации от государства-участника, опровергающей конкретные утверждения авторов, и какой-либо другой информации в материалах дела Комитет постановляет, что имеющаяся у него информация свидетельствует о нарушении прав г-на Ковалева в соответствии с пунктом 3 b) статьи 14 Пакта (пункт 11.5 Соображений).

Авторы далее утверждают, что право г-на Ковалева на пересмотр приговора и осуждения вышестоящей судебной инстанцией было нарушено, поскольку вынесенный Верховным судом приговор обжалованию не подлежит. Комитет отмечает, что согласно имеющимся материалам г-н Ковалев был приговорен 30 ноября 2011 года к смертной казни Верховным судом, рассматривавшим дело в качестве суда первой инстанции, и что в приговоре указано, что он является окончательным и обжалованию не подлежит. Хотя г-н Ковалев воспользовался механизмом пересмотра судебного решения в порядке надзора, Комитет отмечает, что такая процедура пересмотра решения в порядке надзора применяется только к уже вступившим в силу судебным решениям и поэтому представляет собой чрезвычайную процедуру обжалования, которая может использоваться по усмотрению судьи или прокурора. Когда такой пересмотр имеет место, он ограничивается только вопросами права и не допускает повторной оценки фактов и доказательств и поэтому не может считаться "обжалованием" для целей пункта 5 статьи 14... При отсутствии каких-либо разъяснений государства-участника Комитет считает, что отсутствие возможности пересмотра решения Верховного суда, вынесенного по первой инстанции, вышестоящей судебной инстанцией противоречит требованиям пункта 5 статьи 14⁴⁶ (пункт 11.6 Соображений).

Комитет отмечает утверждения авторов, которые не были опровергнуты государством-участником, что Верховный суд был пристрастным и нарушил принцип независимости, беспристрастности, равенства состязательных возможностей и принцип публичности судебного разбирательства в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. В свете выводов Комитета о том, что государство-участник не гарантировало справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктами 2, 3 b) и g) и 5 статьи 14 Пакта, Комитет считает, что судебное разбирательство дела г-на Ковалева было проведено с нарушениями, которые в целом сводятся к нарушению пункта 1 статьи 14 Пакта (пункт 11.7 Соображений).

Соображения, принятые 1 ноября 1991 года, пункт 8.4; № 1167/2003, *Райос против Филиппин*, Соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 7.3.

⁴⁶ См., например, сообщения № 985/2001, *Алибоева против Таджикистана*, Соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.5; № 973/2001, *Халилова против Таджикистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.5.

Авторы далее заявляют о нарушении права г-на Ковалева на жизнь в соответствии со статьей 6 Пакта, поскольку ему был вынесен смертный приговор после проведения несправедливого судебного разбирательства. Комитет отмечает, что государство-участник заявило со ссылкой на пункт 2 статьи 6 Пакта, что г-н Ковалев был приговорен к смертной казни Верховным судом в соответствии с Конституцией, Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси и что этот смертный приговор не противоречит положениям международных договоров, участником которых является Беларусь... В свете выводов Комитета о нарушении пунктов 1, 2, 3 b) и g) и 5 статьи 14 Пакта он приходит к заключению, что при вынесении г-ну Ковалеву окончательного смертного приговора не были соблюдены требования статьи 14 и что в результате этого была нарушена статья 6 Пакта (пункт 11.8 Соображений).

Комитет отмечает заявление авторов о том, они сами являются жертвами нарушения статьи 7 Пакта в связи с испытанными ими серьезными душевными страданиями и психическим стрессом в результате отказа властей сообщать какую-либо информацию о положении и местонахождении г-на Ковалева с 13 марта 2012 года (дата отклонения его ходатайства о помиловании) до 17 марта 2012 года (когда им сообщили о приведении в исполнение смертного приговора), а также в результате их отказа сообщать заранее дату, время и место казни, передать тело для захоронения и сообщить место захоронения г-на Ковалева. Государство-участник не опровергло эти утверждения. Комитет отмечает, что согласно действующему законодательству семье приговоренного к смертной казни не сообщается заранее дата исполнения смертного приговора, тело ей не передается и о месте захоронения казненного не сообщается. Комитет с пониманием относится к постоянным страданиям и психическому стрессу, которые испытали авторы, будучи матерью и сестрой приговоренного к смертной казни, находясь в полном неведении относительно обстоятельств, которые привели к его казни, а также места его захоронения. Сохранение полной секретности относительно даты казни и места захоронения, а также отказ от передачи тела для захоронения в соответствии с религиозными верованиями и обрядами семьи казненного представляют собой запугивание и наказание этой семьи путем намеренного удержания их в состоянии неопределенности и душевных страданий. В этой связи Комитет приходит к выводу, что эти элементы в их совокупности и постоянный последующий отказ государства-участника сообщить авторам место захоронения г-на Ковалева равносильны бесчеловечному

обращению с авторами в нарушение статьи 7 Пакта⁴⁷ (пункт 11.10 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека полагает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Ковалева, предусмотренных статьями 6, 7, пунктом 3 статьи 9, пунктами 1, 2, 3 b) и g) и 5 статьи 14 Пакта, а также предусмотренных статьей 7 касательно самих авторов. Государство-участник также нарушило свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола к Пакту (пункт 12 Соображений).

Сообщение: *Джойс Навила Чити против Замбии.* Сообщение № 1303/2004. Соображения, принятые Комитетом 26 июля 2012 года.

Тема сообщения: предполагаемые пытки, смертная казнь после несправедливого разбирательства и принудительное выселение без какого-либо надлежащего средства правовой защиты.

Вопросы существа: пытки, несправедливое судебное разбирательство, произвольный арест и помещение под стражу; смертный приговор; право на частную жизнь, защиту семьи и ребенка; свобода передвижения и право на надлежащее средство правовой защиты.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 32 в отношении статьи 14, в котором он настаивает, что право не давать показаний против самого себя следует понимать как отсутствие любого прямого или непрямого физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых, с тем чтобы добиться признания вины. Тем более недопустимым является обращение с обвиняемым лицом, противоречащее статье 7 Пакта, с тем чтобы добиться его признания. Внутреннее законодательство должно обеспечивать, чтобы показания или признания, полученные с нарушением статьи 7 Пакта, не рассматривались в качестве доказательств, за исключением тех случаев, когда такие материалы используются как доказательство того, что имели место пытки или иное обращение, запрещаемое данным положением, и в этих случаях обязанность доказывания того, что показания обвиняемых

⁴⁷ См. также сообщения № 886/1999, *Щедко против Беларуси*, Соображения, принятые 3 апреля 2003 года, пункт 10.2; 887/1999, *Стаселович против Беларуси*, Соображения, принятые 3 апреля 2003 года, пункт 9.2; № 973/2001, *Халилов против Таджикистана*, Соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.7; № 985/2001, *Алибоева против Таджикистана*, Соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.7; № 1044/2002, *Шукурова против Таджикистана*, Соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 8.7.

были даны ими по их собственной воле, ложится на государство (пункт 12.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что после его ареста 28 октября 1997 года ее муж Джек Чити в течение девяти дней подвергался пыткам в штаб-квартире полиции в Лусаке и что в результате пыток он был переведен в военный госпиталь Маина-Соко, где ему был поставлен диагноз: перфорация барабанной перепонки. Комитет далее отмечает утверждение автора о том, что во время пребывания в заключении у ее мужа был обнаружен рак простаты, однако он не имел возможности получать назначенные лекарства, что тюрьма, где он отбывал свой срок, не обеспечила его этими лекарственными препаратами и что ему также не было предоставлено высокобелковое питание, рекомендованное для замедления распространения рака. Кроме того, Комитет отмечает, что у г-на Чити была обнаружена позитивная реакция на ВИЧ и что предположительно он содержался в негуманных условиях, был лишен надлежащего питания и чистой окружающей среды. В этой связи Комитет отмечает, что, по утверждению автора, такие негуманные условия содержания привели к преждевременной смерти г-на Чити. Учитывая обнаруженный у него рак и позитивную реакцию на ВИЧ, отказ в предоставлении необходимых лекарственных средств, а также пытки и негуманные условия содержания, которым он был подвергнут, данное утверждение представляется вполне правдоподобным. Комитет отмечает, что государство-участник ограничивается лишь тем, что отрицает установленную автором причинно-следственную взаимосвязь между условиями содержания ее мужа и его смертью, не предоставляя дополнительных разъяснений. В отсутствие опровержения со стороны государства-участника Комитет приходит к заключению о том, что государство-участник не обеспечило защиты жизни г-на Чити в нарушение статьи 6 Пакта (пункт 12.2 Соображений).

На основании имеющейся в его распоряжении информации Комитет далее делает заключение, что пытки, причиненные Джеку Чити, плохие условия его содержания под стражей без надлежащего доступа к медицинской помощи, душевные страдания, которые он испытывал в течение семи лет, прежде чем был отменен его приговор к смертной казни, а также отсутствие незамедлительного, тщательного и беспристрастного расследования фактов, представляют собой нарушение статьи 7, взятой отдельно или в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 12.3 Соображений).

Комитет также принимает во внимание терзания и душевную боль, причиненные арестом, сообщениями о пытках и плохих условиях

содержания мужа автора и выселением из дома. Он считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта по отношению к автору сообщения и ее семье⁴⁸ (пункт 12.4 Соображений).

В связи с заявлением автора сообщения о том, что права ее мужа по пункту 3 г) статьи 14 были нарушены, Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что 10 ноября 1997 года ее мужа вновь доставили в штаб-квартиру полиции, где предположительно пытали в течение девяти дней, принуждали к даче письменных показаний, содержащих обвинения ряда политических деятелей в участии в государственном перевороте, и заставили подписать этот документ. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло это утверждение... С учетом представленной ему информации Комитет констатирует нарушение прав г-на Чити по пункту 3 г) статьи 14 Пакта (пункт 12.6 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека полагает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 6; статьи 7, взятой отдельно, и в совокупности с пунктом 3 статьи 2; пункта 3 г) статьи 14; и статей 17 и 23, пункт 1, взятых отдельно, и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 13 Соображений).

Право не подвергаться пыткам (запрет пыток)

Сообщение: *Шолам Вайс против Австрии.* Сообщение № 1821/2008. Соображения, принятые Комитетом 24 октября 2012 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что его выдача в Соединенные Штаты Америки, где он подвергается реальному риску пожизненного лишения свободы без возможности условно-досрочного освобождения за совершение имущественного преступления, представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание согласно статье 7 Пакта. Комитет отмечает, что в своем решении от 8 мая 2002 года австрийский Земельный суд высшей инстанции высказал мнение о том, что, хотя решения Европейского суда по правам

⁴⁸ Сообщение № 1588/2007, *Беназиза против Алжира*, Соображения, принятые 26 июля 2010 года, пункт 9.6; сообщение № 107/1981, *Кинтерос против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 14; сообщение № 950/2000, *Сарма против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 16 июля 2003 года, пункт 9.5; сообщение № 992/2001, *Бусруал против Алжира*, Соображения, принятые 30 марта 2006 года, пункт 9.8; сообщение № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, Соображения, принятые 10 июля 2007 года, пункт 7.7.

человека⁴⁹ содержат признание того, что выдача в страну, в которой какому-либо лицу грозит пожизненное лишение свободы, может ставить вопросы согласно статье 3 Европейской конвенции о правах человека, суд не пришел к выводу о том, что само по себе пожизненное лишение свободы без возможности условно-досрочного освобождения является нарушением статьи 3 Конвенции; статья 3 Конвенции является аналогичной статье 7 Пакта. Комитет далее отмечает, что в связи с делом автора австрийский суд основывал свое решение на том, что его выдача в Соединенные Штаты Америки не будет представлять собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание на основании толкования полученных от Министерства юстиции Соединенных Штатов Америки заверений в том, что автор располагает различными возможностями для обжалования своего приговора (пункт 9.3 Соображений).

Признавая, что депортация какого-либо лица в страну, в которой это лицо будет отбывать для всех практических целей пожизненное лишение свободы без возможности условно-досрочного освобождения, как, например, в случае приговора, вынесенного в отношении автора, может ставить вопросы по статье 7 Пакта с учетом целей наказания, закрепленных в пункте 3 статьи 10 Пакта,⁵⁰ Комитет считает, что решение государства-участника выдать автора Соединенным Штатам Америки должно оцениваться с учетом правовых положений, действовавших в то время, когда предполагаемое нарушение имело место. В этом отношении информация, предоставленная Комитету обеими сторонами в ходе данной процедуры, как представляется, указывает на то, что государство-участник основывало свое решение о выдаче автора Соединенным Штатам Америки на тщательном изучении утверждений автора австрийским Земельным судом высшей инстанции с учетом обстоятельств данного дела и применимого в то время права. Соответственно, Комитет считает, что выдача автора государством-участником не нарушила его права, предусмотренные статьей 7 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

⁴⁹ См. последнее решение Европейского суда по правам человека по делу *Babar Ahmad and others v. The United Kingdom*; 24 September 2012, Appl. Nos. 24027/07, 11949/08, 36742/08, 66911/09 and 67354/09.

⁵⁰ В силу статьи 10 Пакта «1. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. 2. а) Обвиняемые в случае, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осужденных, и им предоставляется отдельный режим, отвечающий их статусу неосужденных лиц; б) обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения. 3. Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание. Несовершеннолетние правонарушители отделяются от совершеннолетних, и им предоставляется режим, отвечающий их возрасту и правовому статусу».

Выводы Комитета: Комитет считает, что выдача автора США не нарушила его права, предусмотренные статьей 7 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Сообщение: *Дев Бахадур Махарджан против Непала.* Сообщение № 1863/2009. Соображения, принятые Комитетом 19 июля 2012 года.

Тема сообщения: незаконный арест, содержание под стражей без права переписки и общения и применение пыток в отношении бывшего учителя по подозрению в принадлежности к Коммунистической партии (маоистской).

Вопросы существа: произвольный арест и задержание; пытки и жестокое обращение; содержание под стражей без права переписки и общения; насильственное исчезновение; условия содержания под стражей; право на эффективное средство правовой защиты.

Правовые позиции Комитета: Комитет подтверждает, что бремя доказывания не может возлагаться исключительно на автора сообщения, особенно потому, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и нередко лишь государство-участник располагает соответствующей информацией.⁵¹ Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола косвенно вытекает, что государство-участник обязано проводить добросовестное расследование всех сделанных против него и его представителей утверждений о нарушении Пакта и передать Комитету имеющиеся у него сведения. В тех случаях, когда утверждения подтверждаются достоверными доказательствами, представленными автором, и когда любое дополнительное прояснение обстоятельств зависит от сведений, которыми располагает исключительно государство-участник, Комитет может считать утверждения автора обоснованными, если только государство-участник не представит удовлетворительных доказательств или пояснений об обратном. В отсутствие каких-либо убедительных объяснений со стороны государства-участника утверждения автора в этом отношении следует считать достаточно весомыми (пункт 8.3 Соображений).

Что касается статьи 10, то Комитет напоминает, что лица, лишённые свободы, не должны испытывать иных лишений или тягот помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращаться с

⁵¹ См. сообщение № 1782/2008, *Абуфайед против Ливии*, Соображения, принятые 21 марта 2012 года, пункт 7.4; сообщение № 1422/2005, *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 24 октября 2007 года, пункт 6.7; и сообщение № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

ними следует гуманно и с уважением их достоинства (пункт 8.7 Соображений).

Комитет напоминает, что отказ государства-участника от проведения расследования предполагаемых нарушений сам по себе может стать причиной отдельного нарушения Пакта⁵² (пункт 8.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Что касается предполагаемого тайного содержания автора под стражей, то Комитет признает степень связанных с этим страданий. Он напоминает о своем замечании общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания⁵³. Он отмечает, что, согласно информации, имеющейся в распоряжении Комитета, он был заключен под стражу без права переписки и общения и без ордера на арест 26 ноября 2003 года и что 29 июля 2004 года, т.е. через восемь месяцев после ареста, ему было вручено постановление о превентивном заключении в соответствии с Законом о террористической и подрывной деятельности (предупреждение и наказание). Он также отмечает, что государство-участник, не представив дополнительных объяснений, заявляет, что автор был арестован 29 июля 2004 года. Во время его содержания под стражей без права переписки и общения в военной казарме вплоть до его перевода в следственный изолятор Сундариджала 17 сентября 2004 года он был лишен всяких контактов с семьей или с внешним миром. Он оставался в предварительном заключении до 7 января 2005 года (пункт 8.2 Соображений).

Комитет отмечает, что государство-участник не представило никакого ответа на утверждения автора, касающиеся его насильственного исчезновения, и что оно фактически не опровергло его утверждение о том, что в течение четырех ночей подряд он подвергался пыткам и жестокому обращению в военной казарме. Комитет также отмечает утверждение автора о том, что во время его пребывания в военной казарме он содержался в переполненных и зараженных вшами помещениях, что ему приходилось спать на постеленном прямо на полу одеяле, что на протяжении всего срока содержания под стражей его держали с завязанными глазами (с надетым на голову капюшоном), что в течение первых двух месяцев ему предоставляли недостаточное питание, что он имел ограниченный доступ к санузелу, что в течение всего срока содержания под стражей ему разрешили помыться только три раза и что

⁵² Замечание общего порядка № 31, пункт 15.

⁵³ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), приложение VI, раздел A, пункт 11.*

охранники временами избивали его кулаками и ногами и подвергали словесным оскорблениям и угрозам (пункт 8.3 Соображений).

На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу, что содержание автора в неволе без контактов со своей семьей и внешним миром, применение к нему пыток и жестокого обращения в течение четырех ночей подряд и условия его содержания под стражей являются нарушением статьи 7 Пакта применительно к каждому из утверждений автора⁵⁴ (пункт 8.4 Соображений).

Комитет отмечает страдания и мучения, причиненные семье автора в результате его исчезновения с момента его ареста по 17 сентября 2004 года, когда его содержание под стражей было официально подтверждено и ему были разрешены свидания. Он отмечает, что автор был арестован, когда его жена была на восьмом месяце беременности, и что, поскольку он был единственным кормильцем, его семья испытывала значительные финансовые трудности. Поэтому Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, применительно к жене автора и его родителям⁵⁵ (пункт 8.5 Соображений).

Что касается предполагаемого нарушения статьи 9, то Комитет отмечает, что, по утверждениям автора, 26 ноября 2003 года он был арестован без соответствующего ордера солдатами Королевской армии Непала и заключен под стражу в военную казарму Чхауни без права переписки и общения, не будучи проинформирован о причинах ареста или о предъявляемых ему обвинениях. Комитет напоминает, что автор ни разу не предстал перед судьей во время своего содержания под стражей и не мог оспорить законность своего заключения, пока оно не было официально подтверждено, после чего его сестра обратилась в Верховный суд с ходатайством об издании приказа хабеас корпус. Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что автор был арестован 29 июля 2004 года в соответствии с Законом о террористической и подрывной деятельности (предупреждение и наказание) 2004 года, который был принят в условиях объявленного государством-участником чрезвычайного положения и который допускал арест и заключение под стражу подозреваемых на срок до одного года. Однако в отсутствие убедительных разъяснений со стороны государства-

⁵⁴ См. сообщения № 1761/2008, пункт 7.6; № 1422/2005, *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 24 октября 2007 года, пункт 6.2; № 540/1993, пункт 8.5; № 458/1991, пункт 9.4 и № 440/1990, пункт 5.4.

⁵⁵ См. сообщение № 1640/2007, *Эль-Абани против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 26 июля 2010 года, пункт 7.5; № 1295/2004, *Эль-Авани против Ливийской Арабской Джамахирии*, Соображения, принятые 11 июля 2007 года, пункт 4; № 107/1981, пункт 14 и № 950/2000, пункт 9.5.

участника по поводу ареста и содержания под стражей автора с 26 ноября 2003 года по 29 июля 2004 года и с 26 октября 2004 года по 1 ноября 2004 года, предъявленных ему обвинений и определения суда относительно законности его ареста и содержания под стражей Комитет констатирует нарушение статьи 9⁵⁶ (пункт 8.6 Соображений).

В отсутствие информации от государства-участника об обращении с автором во время его содержания под стражей Комитет уделяет должное внимание утверждениям автора о том, что условия его содержания под стражей в военной казарме представляют собой жестокое обращение, и приходит к заключению о том, что его права по пункту 1 статьи 10 были нарушены⁵⁷ (пункт 8.7 Соображений).

Автор также ссылается на пункт 3 статьи 2 Пакта, обязывающий государства-участники обеспечивать любому лицу доступное, эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты для отстаивания прав, закрепленных в Пакте. Комитет подтверждает важное значение, которое он придает созданию государствами-участниками соответствующих судебных и административных механизмов для рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав, даже во время чрезвычайного положения⁵⁸... В настоящем случае имеющаяся в распоряжении Комитета информация говорит о том, что автор не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты, и в этой связи Комитет приходит к заключению о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 7, статьей 9 и пунктом 1 статьи 10 (пункт 8.8 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7, статьи 9 и пункта 1 статьи 10, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта в отношении автора. Комитет также считает, что статья 7, рассматриваемая в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта была нарушена в отношении жены автора и его родителей (пункт 8.9 Соображений).

⁵⁶ См. сообщения № 1782/2008, пункт 7.6, № 1761/2008, пункт 7.8; № 1297/2004, *Меджнун против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.5; и № 1469/2006, пункт 7.3.

⁵⁷ См. замечание общего порядка № 21, пункт 3; сообщения № 1134/2002, *Горжи-Динка против Камеруна*, Соображения, принятые 17 марта 2005 года, пункт 5.2; № 1640/2007, пункт 7.7; и № 1422/2005, пункт 6.4.

⁵⁸ Замечание общего порядка № 29 (2001) об отступлениях от обязательств в связи с чрезвычайным положением, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 40*, том I (A/56/40 (Vol. I)), приложение VI, пункт 14.

Сообщение: *Николаос Катсарис против Греции.* Сообщение № 1558/2007. Соображения, принятые Комитетом 18 июля 2012 года.

Тема сообщения: непроведение тщательного расследования в связи с полицейским насилием и жестоким обращением в отношении этнических рома.

Вопросы существа: право на средство правовой защиты; право не подвергаться пыткам; право на равенство перед законом.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свои предыдущие решения о том, что бремя доказывания не может возлагаться только на автора сообщения, особенно учитывая тот факт, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую только государство-участник имеет доступ к соответствующей информации⁵⁹. Он далее отмечает, что из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола следует, что государство-участник обязано проводить добросовестное расследование всех утверждений о нарушениях Пакта, вменяемых в вину ему и его органам, и представлять Комитету информацию, которой оно располагает. Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 20 (1992 год) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания⁶⁰ и замечание общего порядка № 31 (2004 год) по вопросу об общем юридическом обязательстве государств – участников Пакта⁶¹, а также его неизменную правовую практику⁶², согласно которой жалобы с утверждениями о нарушении статьи 7 должны расследоваться незамедлительно, тщательно и беспристрастно компетентными органами, и надлежащие меры должны приниматься против тех, кто окажется виновным в их совершении. Это относится ко всем элементам статьи 7 Пакта (пункт 10.4 Соображений).

⁵⁹ См. сообщение № 30/1978, *Блейер против Уругвая*, пункт 13.3; сообщение № 84/1981, *Барбато и Барбато против Уругвая*, пункт 9.6.

⁶⁰ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), приложение VI, раздел A, пункт 14.*

⁶¹ Замечание общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства государств – участников Пакта, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 40, том I (A/59/40 (том I)), приложение III, пункт 18.*

⁶² См., например, сообщение № 1436/2005, *Сатасивам и Сарасвати против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 8 июля 2008 года, пункт 6.4; сообщение № 1589/2007, *Гапирджанов против Узбекистана*, Соображения, принятые 18 марта 2010 года, пункт 8.3; сообщение № 1096/2002, *Курбанов против Таджикистана*, Соображения, принятые 6 ноября 2003 года, пункт 7.4; сообщение № 322/1988, *Родригес против Уругвая*, пункт 12.3.

Комитет также напоминает свое замечание общего порядка № 18 (1989 год) о недискриминации⁶³, согласно которому недискриминация, наряду с равенством перед законом и правом на равную защиту закона без какой-либо дискриминации, представляет собой основополагающий и общий принцип, касающийся защиты прав человека. Так, пункт 1 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах обязывает каждое государство-участник уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Статья 26 не только обеспечивает всем людям равенство перед законом и право на равную защиту закона, но и предусматривает, что всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и гарантирует всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства (пункт 10.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что 12 сентября 1999 года при аресте сотрудниками полиции ему была причинена физическая боль, поскольку его били ногами и он испытал психологический стресс, когда на него направили оружие, а также, когда он стал свидетелем того, как избивают его родственников и держат их под прицелом оружия. Он далее принимает к сведению жалобу автора о том, что он подвергся унижающему достоинство обращению и дискриминации в форме расово мотивированных оскорблений. Он также принимает к сведению утверждение автора о непоследовательности и неполноценности предварительных расследований, выразившихся в том, что его заявление принимал сослуживец сотрудников полиции, участвовавших во втором предварительном расследовании, и что административное разбирательство проходило не под присягой, а неформально и что ему не предоставили возможности дать свидетельские показания. Он также принимает к сведению довод автора сообщения о том, что предварительные расследования были неоправданно затянутыми. Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что утверждения автора о жестоком обращении до и во время задержания сотрудниками полиции не были проверены, поскольку он не

⁶³ Замечание общего порядка № 18 (1989 год) о недискриминации, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок пятая сессия, Дополнение №. 40*, том I (A/45/40 (том I)), приложение VI, раздел A, пункт 1.

заявлял ни о каких травмах прокурору или полиции. Он также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не обращался с жалобой на устные оскорбления расистскими высказываниями, которым он предположительно подвергся. Наконец, он принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что жалобы автора были добросовестно расследованы (пункт 10.2 Соображений).

Комитет отмечает, что стороны представили отличающиеся отчеты об инциденте от 12 сентября 1999 года, особенно в том, что касается обстоятельств установления личности и предполагаемого жестокого обращения с автором сообщения. Комитет отмечает, что, несмотря на продолжительность предварительных расследований, расхождения в выводах по трем разбирательствам не получили объяснения. Комитет отмечает расхождения в существенных обстоятельствах, например, в отношении сотрудников, производивших арест, в частности Д.Т., который был назван в числе производивших арест сотрудников, но в ходе обоих предварительных расследований заявил, что лично он не имел никаких контактов с автором сообщения и его родственниками, а также расхождения в отношении даты первого обращения автора с жалобой и по вопросу об оказании сопротивления полиции во время обыска и установления личности. Государство-участник не объяснило этих расхождений, а дополнительное административное разбирательство от 10 сентября 2007 года не прояснило эту ситуацию (пункт 10.3 Соображений).

Комитет отмечает, что адвокат автора заявил устную жалобу сотрудникам полиции во время пребывания автора под стражей 12 сентября 1999 года⁶⁴. Комитет принимает к сведению жалобу автора к прокурору по делам о мелких правонарушениях в городе Нафплион от 27 октября 1999 года, содержащую подробные утверждения о жестоком обращении и дискриминации. 3 декабря 1999 года автор обратился с жалобой к омбудсмену. В этой связи Комитет считает, что автор предпринял своевременные и разумные попытки заявить о предполагаемом жестоком обращении и дискриминации. Он также отмечает, что утверждения автора о дискриминации не стали объектом предварительных расследований и что государство-участник просто отвергло их, заявив, что автор не сообщил о них своему адвокату во время пребывания под стражей (пункт 10.6 Соображений).

Учитывая множественные, необъясненные и серьезные недостатки предварительных расследований, включая а) тот факт, что жалоба

⁶⁴ Эта информация содержится в показаниях автора под присягой от 3 ноября 2000 года в контексте второго предварительного расследования.

автора от 27 октября 1999 года была проигнорирована прокурором первой инстанции в ее постановлении от 10 октября 2001 года по второму расследованию, т.е. той самой инстанции, которая занималась расследованием именно этой жалобы; b) отсутствие какого-либо судебно-медицинского обследования; c) расхождения в сведениях о сотрудниках, производивших арест, вселяющие сомнения относительно тщательности и беспристрастности расследований; d) предполагаемое использование дискриминационных выражений следственными органами в адрес автора сообщения и его образа жизни; а также e) продолжительность предварительных расследований, Комитет приходит к заключению о том, что государство-участник не выполнило своего обязательства о безотлагательном, тщательном и беспристрастном расследовании утверждений автора и в этой связи устанавливает нарушение государством-участником его обязательств по пункту 3 статьи 2, взятой в совокупности со статьей 7; и пункту 1 статьи 2, а также статье 26 Пакта (пункт 10.7 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав Николаоса Катсариса по пункту 3 статьи 2, взятому в сочетании со статьей 7; и пункту 1 статьи 2, а также статьи 26 Пакта (пункт 10.8 Соображений).

См. также Мусса Али Мусса Бенали против Ливии. Сообщение № 1805/2008. Соображения, принятые Комитетом 1 ноября 2012 года; Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Республики Беларусь. Соображения Комитета от 29 октября 2012 года. Сообщение № 2120/2011; *Джойс Навила Чити против Замбии*. Сообщение № 1303/2004. Соображения, принятые Комитетом 26 июля 2012 года (указанные сообщения приведены в настоящем сборнике).

Право лишенных свободы лиц на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности

См. *Дев Бахадур Махарджан против Непала*. Сообщение № 1863/2009. Соображения, принятые Комитетом 19 июля 2012 года (указанное сообщение приведено в настоящем сборнике).

Вопросы насильственного исчезновения

Сообщение: *Мусса Али Мусса Бенали против Ливии*. Сообщение № 1805/2008. Соображения, принятые Комитетом 1 ноября 2012 года.

Тема сообщения: противозаконный арест, содержание без связи с внешним миром, применение пыток и жестокого обращения, арест без соответствующего ордера, насильственное исчезновение.

Вопросы существа: право на эффективное средство правовой защиты; право на жизнь; запрещение пыток и жестокого и бесчеловечного обращения; право на свободу и личную неприкосновенность; произвольный арест и задержание; уважение человеческого достоинства лиц, лишенных свободы; признание правосубъектности.

Правовые позиции Комитета: Комитет... подтверждает, что бремя доказывания не может возлагаться только на автора сообщения, особенно потому, что автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам, и зачастую соответствующей информацией располагает лишь государство-участник⁶⁵. Из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола вытекает, что государство-участник обязано добросовестно расследовать все те заявления о нарушениях Пакта, которые были сделаны против него и его представителей, а также предоставить Комитету имеющуюся в его распоряжении информацию. В тех случаях, когда заявления подкрепляются представленными автором сообщения убедительными доказательствами и когда последующее выяснение зависит от информации, которой располагает только государство-участник, Комитет может в отсутствие представления государством-участником достаточных доказательств или разъяснений о противном признать заявления автора обоснованными. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника в этой связи должно значение должно быть уделено заявлениям автора (пункт 6.2 Решения).

Комитет напоминает, что в случаях насильственного исчезновения лишение свободы, когда оно сопровождается отказом признать этот факт или его непризнанием или укрытием информации о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, лишает таких лиц защиты закона и создает для их жизни серьезную и реальную угрозу, ответственность за это несет государство (пункт 6.4 Соображений).

⁶⁵ См. сообщение *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, пункт 6.7; и сообщение № 1297/2004, *Меджнут против Алжира*, Соображения, принятые 14 июля 2006 года, пункт 8.3.

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 20 (1992) касательно запрещения пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения⁶⁶, в котором Комитет рекомендует государствам-участникам принять меры по недопущению содержания без связи с внешним миром (пункт 6.5 Соображений).

Комитет повторяет, что лишенные свободы лица не должны испытывать иных лишений или тягот помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и обращение с ними должно быть гуманным, а их достоинство должно уважаться (пункт 6.8 Соображений).

В связи со статьей 16⁶⁷ Комитет подтверждает свою установившуюся практику, в соответствии с которой преднамеренное лишение какого-либо лица защиты закона в течение продолжительного периода времени может представлять собой отказ признать его правосубъектность, если пострадавшее лицо, когда его в последний раз видели, находилось во власти представителей государства и одновременно если усилиям его родственников, направленным на получение доступа к потенциально эффективным средствам правовой защиты, в том числе в судебных органах (пункт 3 статьи 2 Пакта), систематически чинились препятствия⁶⁸ (пункт 6.9 Соображений).

Комитет подтверждает важное значение, которое он уделяет созданию государствами-участниками надлежащих судебных и административных механизмов по расследованию предполагаемых нарушений прав в соответствии с национальным законодательством. Он ссылается на свое Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта⁶⁹, в котором он отмечает, что непринятие тем или иным государством мер для проведения расследования утверждений об имевших место нарушениях само по себе может стать отдельным нарушением Пакта (пункт 6.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет отмечает неопровергнутые заявления автора о том, что Абделади́ма Али Муссу

⁶⁶ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), приложение VI, раздел А.*

⁶⁷ В силу статьи 16 Пакта «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности».

⁶⁸ См. *Эль-Абани против Ливийской Арабской Джамахирии*, пункт 7.9; сообщение № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, Соображения, принятые 10 июля 2007 года, пункт 7.8; и сообщение 1495/2006, *Мадуи против Алжира*, Соображения, принятые 28 октября 2008 года, пункт 7.7; сообщение № 1782/2008, *Абуфайед против Ливии*, Соображения, принятые 21 марта 2012 года, пункт 7.10.

⁶⁹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение 40, том I (A/59/40 (Vol. I)), приложение III.*

Бенали содержали без связи с внешним миром в тайных местах с момента его первого ареста в августе 1995 года до сентября 2000 года и с момента его второго ареста в феврале 2005 года до мая 2006 года. В течение этих периодов он находился в одиночной камере, был лишен каких-либо контактов с семьей или адвокатом и подвергался пыткам. У его семьи не было никакой возможности защитить его, и она опасалась репрессий в случае, если будет оспаривать действия захвативших его лиц. С сентября 2000 года и до освобождения Абделади́ма Али Муссы Бенали в октябре 2002 года, а также с мая 2006 года и до октября 2006 года власти информировали родственников о его местонахождении и разрешали им время от времени навещать его. С октября 2006 года по март 2007 года его вновь содержали под стражей без связи с внешним миром, по всей видимости, в тюрьме Абу-Слим, из которой, как сообщается, он исчез в марте 2007 года; в конечном итоге в апреле 2009 года родственникам сообщили о его местонахождении и разрешили навещать его. Таким образом, большую часть срока нахождения под стражей его задержание носило характер насильственного исчезновения (пункт 6.3 Соображений).

В рассматриваемом случае Комитет констатирует, что государство-участник не представило никаких доказательств того, что оно выполнило свое обязательство по защите жизни Абделади́ма Али Муссы Бенали. Действительно, из материалов о предыдущих случаях Комитету также известно, что в случае других лиц, содержащихся в условиях, аналогичных условиям автора, выяснялось, что они были убиты, или же живыми их больше не видели. Комитет делает вывод о том, что государство-участник не выполнило свое обязательство по защите жизни Абделади́ма Али Муссы Бенали в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта (пункт 6.4 Соображений).

Комитет отмечает, что государство-участник не представило никакого ответа на заявления автора относительно содержания Абделади́ма Али Муссы Бенали без связи с внешним миром с августа 1995 года по сентябрь 2000 года, с февраля 2005 года по май 2006 года и с октября 2006 года по апрель 2009 года. Исходя из имеющейся в его распоряжении информации, Комитет полагает, что эти три периода содержания без связи с внешним миром представляют собой нарушения статьи 7 Пакта⁷⁰ (пункт 6.5 Соображений).

⁷⁰ См. сообщение *Эль-Альвани против Ливийской Арабской Джамахирии*, пункт 6.5; сообщение *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, пункт 6.2; сообщение *Селис Лауреано против Перу*, пункт 8.5; и сообщение № 458/1991, *Муконг против Камеруна*, Соображения, принятые 21 июля 1994 года, пункт 9.4.

Комитет констатирует душевную боль и страдания автора, вызванные исчезновением его брата Абделади́ма Али Муссы Бенали. Ссылаясь на свои решения, Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7 Пакта по отношению к автору⁷¹ (пункт 6.6 Соображений).

Что же касается статьи 9, то из представленной Комитету информации вытекает, что Абделади́м Али Мусса Бенали был дважды арестован представителями государства-участника без соответствующего ордера и что каждый раз его содержали без связи с внешним миром и доступа к адвокату, не информируя его о причинах ареста и не доставляя его в судебный орган. В течение этих периодов Абделади́м Али Мусса Бенали не имел возможности оспорить законность или произвольный характер своего задержания. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника Комитет констатирует нарушения статьи 9 Пакта, совершенные в связи с произвольными арестами и задержаниями Абделади́ма Али Муссы Бенали⁷² (пункт 6.7 Соображений).

В рассматриваемом случае автор утверждает, что власти государства-участника в течение нескольких лет не предоставляли семье Абделади́ма Али Муссы Бенали соответствующую информацию о его судьбе или местонахождении и что государство-участник в тот период создавало обстановку, в которой родственники опасались инициировать какие-либо правовые процедуры или даже задавать службам безопасности вопросы о задержании Абделади́ма Али Муссы Бенали. Государство-участник не представило никаких доказательств, опровергающих эти заявления. Комитет констатирует, что принудительное исчезновение и содержание Абделади́ма Али Муссы Бенали без связи с внешним миром лишали его защиты закона в течение соответствующих периодов в нарушение статьи 16 Пакта (пункт 6.9 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека констатирует, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушениях государством-участником пункта 1 статьи 6; статей 7 и 9; пункта 1 статьи 10 и статьи 16 по отношению к Абделади́му Али Муссе Бенали. Комитет также констатирует, что государство-участник действовало в нарушение пункта 3 статьи 2 в сочетании с пунктом 1 статьи 6; статей 7 и 9; пункта 1 статьи 10 и статьи 16 по отношению к Абделади́му Али Муссе Бенали. И наконец, Комитет констатирует нарушения статьи 7 и пункта 3 статьи 2 в

⁷¹ См. сообщение *Эль-Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии*, пункт 6.11; сообщение № 107/1981, *Кинтерос Альмейда против Уругвая*, Соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 14; и сообщение *Сарма против Шри-Ланки*, пункт 9.5.

⁷² См. сообщение *Меджнун против Алжира*, пункт 8.5; сообщение № 1811/2008, *Шихуб против Алжира*, Соображения, принятые 31 октября 2011 года, пункт 8.7.

сочетании со статьей 7 Пакта по отношению к автору (пункт 7 Соображений).

Право на личную неприкосновенность

См. *Элихио Седеньо против Боливарианской Республики Венесуэла*. Сообщение № 1940/2010. Соображения, принятые Комитетом 29 октября 2012 года; *Мусса Али Мусса Бенали против Ливии*. Сообщение № 1805/2008. Соображения, принятые Комитетом 1 ноября 2012 года; *Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Республики Беларусь*. Соображения Комитета от 29 октября 2012 года. Сообщение № 2120/2011; *Дев Бахадур Махарджан против Непала*. Сообщение № 1863/2009. Соображения, принятые Комитетом 19 июля 2012 года.

Право на справедливое судебное разбирательство

Сообщение: *Элихио Седеньо против Боливарианской Республики Венесуэла*. Сообщение № 1940/2010. Соображения, принятые Комитетом 29 октября 2012 года.

Тема сообщения: ведение судебного разбирательства по уголовному делу.

Вопросы существа: произвольное задержание; нарушение судебных гарантий.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что государства должны принимать конкретные меры, гарантирующие независимость судебной власти и защиту судей от любых форм политического вмешательства посредством установления четких процедур и объективных критериев назначения, выплаты вознаграждения, сохранения занимаемой должности, продвижения по службе, приостановления и прекращения полномочий членов судейского корпуса и применяемых по отношению к ним дисциплинарных санкций. Ситуация, при которой функции и компетенция судебных органов и органов исполнительной власти четко не разграничены или когда последние оказываются в состоянии контролировать или направлять деятельность первых, не совместима с понятием независимого суда⁷³ (пункт 7.3 Соображений).

⁷³ См. принятое Комитетом замечание общего порядка № 32 (2007) по вопросу о равенстве перед судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство (*Официальные документы Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 40*, том. I [A/62/40 (Vol. I)], приложение VI), пункт 19.

Комитет напоминает, что отказ в освобождении под залог не затрагивает презумпцию невиновности. Тем не менее в целом все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, например, воздерживаясь от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого⁷⁴ (пункт 7.4 Соображений).

Комитет напоминает, что разумные сроки проведения судебного разбирательства должны определяться обстоятельствами каждого дела с учетом сложности дела, поведения обвиняемого и того, каким образом дело разбиралось в административных и судебных органах⁷⁵ (пункт 7.7 Соображений).

Комитет напоминает, что содержание под стражей до судебного разбирательства должно рассматриваться как исключительная мера и срок его должен быть как можно более коротким⁷⁶. Кроме того, превентивное содержание под стражей должно быть не только законным, но также разумным и необходимым во всех отношениях, например, чтобы не допустить побег, манипуляций с доказательной базой или рецидив преступлений⁷⁷ (пункт 7.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Что касается утверждений в связи с пунктом 1 статьи 14 Пакта, то Комитет принимает к сведению то, что, по словам автора, судебные органы, рассматривавшие его дело, не были независимыми, поскольку в государстве-участнике введена система временных судей, пребывание которых в должности носит нестабильный характер и которые могут быть в дискреционном порядке отстранены от своих обязанностей вне рамок какой-либо заранее установленной процедуры; а также то, что лица, не выполняющие указаний исполнительной власти, подвергаются репрессиям. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что рассмотрение его дела было поручено временным судьям и прокурорам и что судья суда № 31 г-жа М.Л.А., распорядившаяся об освобождении автора из-под стражи, действовала в соответствии с законом и в отместку за это была немедленно задержана без соответствующего судебного ордера. Комитет также принимает к

⁷⁴ Там же, пункт 30.

⁷⁵ Там же, пункт 35.

⁷⁶ См. принятое Комитетом замечание общего порядка № 8 (1982) о праве на свободу и личную неприкосновенность (*Официальные документы Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 [A/37/40], приложение V*), пункт 3.

⁷⁷ См. сообщения № 305/1988, *Хьюго ван Альфен против Нидерландов*, соображения, принятые 23 июля 1990 года, пункт 5.8; № 560/1993, *А. против Австралии*, соображения, принятые 3 апреля 2007 года, пункт 9.2; и № 1128/2002, *Рафаэль Маркиш де Мораиш против Анголы*, соображения, принятые 29 марта 2005 года, пункт 6.1.

сведению доводы государства-участника о том, что судебные органы приняли апелляции автора, например его ходатайство о передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию, и что судья суда № 31 подверглась аресту в связи с несоблюдением решения ВС, на основании которого в контексте ходатайства о применении процедуры ампаро, представленного прокуратурой 15 октября 2009 года, было приостановлено действие постановления о сокращении срока продления предварительного заключения до восьми месяцев (пункт 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает утверждения о временном статусе сотрудников судебных органов, рассматривавших дело автора. Комитет отмечает также, что судья суда № 31 была задержана в день, когда она распорядилась об освобождении автора, и что на следующий день Президент Республики в своем выступлении в средствах массовой информации назвал ее "бандиткой" и высказался в пользу применения в отношении нее сурового наказания... Комитет считает, что задержание судьи суда № 31 наводит на мысль о возможной зависимости от пожеланий исполнительной власти с учетом публичных заявлений Президента Республики в связи с задержанием, в особенности в свете того, что в основаниях для изменения меры пресечения автора сообщения прямо упоминалось мнение Рабочей группы по произвольным задержаниям. С учетом этих фактов наряду с временным характером судебных органов, рассматривавших дело автора, Комитет приходит к выводу о том, что в данном случае государство-участник нарушило принцип независимости соответствующих судебных органов и положения пункта 1 статьи 14 Пакта (пункт 7.3 Соображений).

Что касается возможного нарушения пункта 2 статьи 14, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что не было соблюдено его право на презумпцию невиновности, поскольку он был в предварительном порядке лишен свободы, несмотря на то что предусмотренные законом требования для принятия этой меры удовлетворены не были, а также о том, что процесс по его делу был мотивирован политическими соображениями. Комитет также принимает к сведению то, что после освобождения автора из-под стражи Президент Республики в своем выступлении, транслировавшемся по национальному радио или телевидению, назвал его "бандитом" и намекнул на то, что его освобождение было незаконно организовано адвокатами и судьей суда № 31, причем государство-участник не представило Комитету опровержений или объяснений данных заявлений Президента Республики... Таким образом, в связи с отсутствием судебного приговора, устанавливающего уголовную ответственность автора, Комитет

считает, что прямое упоминание дела автора в выступлении Президента Республики и то, в какой форме оно было сделано, нарушает принцип презумпции невиновности, закрепленный в пункте 2 статьи 14 Пакта и распространяющийся на всех обвиняемых до вынесения приговора, свидетельствующего об обратном (пункт 7.4 Соображений).

Что касается утверждений автора в связи с подпунктом с) пункта 3 статьи 14 о том, что он не был судим в течение разумных сроков и без неоправданных задержек, то Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что оно не несет ответственности за затягивание процесса; что задержка судебного разбирательства объяснялась тем, что ВС удовлетворил ходатайство автора о передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию и аннулировал все производство по обвинению в присвоении денежных средств; и что как автор, так и прокуратура, осуществляя свои права и выполняя обязанности, воспользовались всеми доступными средствами правовой защиты для обжалования различных мер, принятых в ходе разбирательства (пункт 7.5 Соображений).

Комитет отмечает, что впервые обвинения автору были предъявлены в 2005 году, в марте 2007 года ему был предъявлен официальный обвинительный акт и с 8 февраля 2007 года по 10 декабря 2009 года он содержался в предварительном заключении. На момент представления сообщения, т.е. по состоянию на 9 марта 2010 года не было вынесено судебного решения относительно его возможной уголовной ответственности, поскольку производство находилось на стадии предварительного слушания. Комитет отмечает также, что слушания неоднократно переносились из-за неявки представителей прокуратуры и что ходатайство о передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию, представленное автором 19 ноября 2008 года, было принято ВС к рассмотрению спустя семь месяцев, 17 июня 2008 года, а решение по нему было принято спустя полтора года, 7 мая 2009 года (пункт 7.6 Соображений).

С учетом обстоятельств дела Комитет полагает, что в своих замечаниях государство-участник не приводит достаточных объяснений тому, каким образом задержки в разбирательстве могут быть отнесены на счет поведения автора и в чем состояла сложность настоящего дела⁷⁸. В связи с этим Комитет считает, что производство по делу автора проходило с задержками в нарушение положений подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 7.7 Соображений).

⁷⁸ См. сообщение № 1887/2009, *Хуан Пейрано Бассо против Уругвая*, соображения, принятые 19 октября 2010 года, пункт 10.3.

Что касается утверждений о предполагаемых нарушениях статьи 9 Пакта, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что принятое судом № 3 решение о предварительном заключении было произвольным, поскольку оно не отвечало установленным законом требованиям; что ему не было немедленно сообщено о предъявляемых ему обвинениях, послуживших основанием для задержания; и что ему было отказано в возможности оперативно обжаловать в суде законность его задержания и в праве на судебное разбирательство в течение разумного срока. Кроме того, он не был освобожден из-под стражи 8 февраля 2009 года по истечении максимального двухлетнего срока предварительного заключения, несмотря на то что не было ни веских оснований для отказа в освобождении, ни какого-либо официального решения на этот счет, а решение о продлении срока заключения, принятое судом № 27 4 июня 2009 года и измененное Апелляционным судом 8 октября 2009 года, не имело под собой законодательной основы. Комитет также принимает к сведению доводы государства-участника о том, что побег не составил бы для автора труда ввиду его статуса в деловых кругах и финансового положения; что прокуратура была вынуждена просить о назначении предварительного заключения в качестве меры пресечения, поскольку в соответствии с пунктом 1 статьи 251 УПК в случаях, когда вменяемое преступление влечет за собой максимальное наказание в виде лишения свободы сроком от десяти лет, как в случае автора, возникает презумпция побега; и что автору были предоставлены все средства защиты и обжалования данной меры (пункт 7.8 Соображений).

Комитет отмечает, что 8 февраля 2007 года, узнав, что прокуратура добивается его предварительного заключения, автор добровольно сдался властям, которые поместили его под стражу в ожидании судебного разбирательства на основании ордера, выданного судом № 3. 13 марта 2007 года Апелляционный суд отклонил апелляцию, поданную автором для обжалования этой меры. 19 ноября 2007 года автор обратился в ВС с ходатайством о передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию, которое спустя 17 месяцев, 7 мая 2009 года, было признано отчасти обоснованным. Комитет отмечает также, что 8 февраля 2009 года истек максимальный установленный законом срок действия данной меры пресечения. Тем не менее автор не был освобожден из-под стражи, и, хотя законом предусматривается возможность продления срока действия этой меры при наличии веских на то оснований, решение о продлении было принято лишь 4 июня 2009 года. 10 декабря 2009 года мера пресечения была изменена, и автор был освобожден из-под стражи... Тем не менее 18 декабря 2009 года это решение было

отменено, и поступило распоряжение вновь задержать автора (пункт 7.9 Соображений).

В свете представленной информации Комитет считает, что при назначении изначальной меры пресечения в виде предварительного заключения и его последующего продления государство-участник не привело достаточных оснований, а руководствовалось исключительно предположением, что автор попытается бежать, а также не объяснило, почему не могли быть приняты иные меры для предотвращения возможного побега и почему решение о продлении срока предварительного заключения было принято спустя месяцы после истечения двухлетнего периода. Хотя следует признать, что в конечном итоге автор действительно покинул страну, несмотря на ордер на его арест, выданный судом № 31 18 декабря 2009 года, Комитет отмечает, что побег был спровоцирован нарушениями в производстве по делу, перечисляемыми в предыдущих пунктах. Ввиду этого Комитет приходит к выводу о том, что назначенная автору мера пресечения в виде предварительного заключения нарушает положения статьи 9 Пакта (пункт 7.10 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека считает, что доведенные до его сведения факты указывают на нарушение положений статьи 9 и пунктов 1 и 2 и подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 8 Соображений).

См. также *Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Республики Беларусь*. Соображения Комитета от 29 октября 2012 года. Сообщение № 2120/2011; *Джойс Навила Чити против Замбии*. Сообщение № 1303/2004. Соображения, принятые Комитетом 26 июля 2012 года (указанные сообщения приведены в настоящем сборнике).

Тексты соображений и замечаний общего порядка Комитета ООН по правам человека находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/CCPRIndex.aspx> .

Правовые позиции *Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации* и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее – Комитет) действует на основании Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года (далее – Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Российская Федерация в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: *ТББ-Турецкий союз Берлина против Германии*. Сообщение № 48/2010. Мнение, принятое Комитетом, 26 февраля 2013 года.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свои предыдущие решения⁷⁹, согласно которым для целей статьи 4 Конвенции недостаточно лишь заявить о том, что акты расовой дискриминации являются наказуемыми де-юре. Требуется также обеспечить эффективное применение уголовных законов и других законодательных положений, запрещающих расовую дискриминацию, компетентными национальными судами и другими государственными учреждениями. Это обязательство подразумевается статьей 4 Конвенции, согласно которой государства-участники обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к расовой дискриминации или актов такой дискриминации. Оно также отражается в других положениях Конвенции, таких как пункт 1 d) статьи 2, который требует от государств запретить расовую дискриминацию и положить ей конец, используя все надлежащие средства, и статья 6, которая гарантирует каждому человеку эффективную защиту и средства защиты от любых актов расовой дискриминации (пункт 12.3 Мнения).

Комитет напоминает о том, что его роль не заключается в пересмотре толкования национальными властями фактов и национальных законов, за исключением случаев, когда соответствующие решения являются явно

⁷⁹ См. сообщение № 34/2004, *Гелле против Дании*, Мнение от 6 марта 2006 года, пункты 7.2 и 7.3.

произвольными или равносильными отказу в правосудии⁸⁰ (пункт 12.5 Мнения).

Комитет ссылается на свои предыдущие решения и вновь заявляет о том, что осуществление права на свободу выражения мнений сопряжено с особыми обязанностями и обязательствами, в частности обязательством не распространять расистские идеи⁸¹. Он также отмечает, что статья 4 Конвенции закрепляет обязанность государства-участника защищать население от подстрекательства к расовой ненависти, а также от актов расовой дискриминации, совершаемых вследствие распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти⁸² (пункт 12.7 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Рассматриваемый Комитетом вопрос заключается в том, выполнило ли государство-участник свое позитивное обязательство по принятию эффективных мер в отношении сообщенных заявлений о расовой дискриминации с учетом того, в какой степени оно расследовало жалобу заявителя в соответствии с пунктами 130 и 185 Уголовного кодекса. Пункт 130 Уголовного кодекса криминализирует любую форму выражения мнений, которая может нарушить общественный порядок вследствие подстрекательства к ненависти в отношении отдельных групп населения или призывов к насильственным или произвольным действиям против них; или в результате посягательства на человеческое достоинство других лиц, приводящего к оскорблению, злонамеренному очернению или дискредитации групп населения. Он криминализирует также разжигание ненависти в отношении групп населения или какой-либо национальной, расовой или религиозной группы или группы, отличающейся своими обычаями призывы к совершению в отношении них насильственных или произвольных действий или посягательства на человеческое достоинство других лиц, приводящие к оскорблению, злонамеренному очернению или дискредитации каких либо групп населения или одной из вышеназванных групп. Пункт 185 Уголовного кодекса криминализирует оскорбления (пункт 12.2 Мнения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что заявления г-на Саррацина, опубликованные в журнале "Летр интернэшнл" № 86 (2009 год),⁸³ представляли собой дискриминацию в

⁸⁰ См. сообщение № 40/2007, *Ер. против Дании*, Мнение от 8 августа 2007 года, пункт 7.2.

⁸¹ См. общую рекомендацию № 15 (1993): Организованное насилие на почве этнического происхождения (статья 4), пункт 4; сообщение № 43/2008, *Саада Мохамад Адан против Дании*, Мнение от 13 августа 2010 года, пункт 7.6.

⁸² См. принятую Комитетом общую рекомендацию № 15, пункт 3.

⁸³ В интервью г-н Саррацин использовал пренебрежительные и дискриминационные высказывания по поводу социальных "низших классов", которые "ничего не

отношении заявителя и его членов, все из которых являются лицами турецкого происхождения, поскольку турецкое население было представлено в качестве группы населения, которая живет за счет государства и которая не должна иметь права на проживание на территории государства-участника, а также то, что государство-участник не обеспечило защиту от такой дискриминации. Он принимает к сведению также аргумент заявителя о том, что заявления г-на Саррацина привели к публичному поношению и унижению турок и мусульман в целом. Он принимает к сведению далее утверждения заявителя о том, что отсутствие уголовного преследования г-на Саррацина равносильно нарушению государством-участником пункта 1 d) статьи 2, пункта а) статьи 4 и статьи 6 Конвенции, поскольку имело место узкое толкование внутреннего законодательства. Комитет отмечает тот факт, что государство-участник не одобряет мнение г-на Саррацина, но вместе с тем утверждает, что положения его Уголовного кодекса в достаточной мере отражают его обязательства по обеспечению эффективных правовых санкций для борьбы с подстрекательством к расовой дискриминации и что власти государства-участника справедливо сочли, что заявления г-на Саррацина защищаются правом на свободу выражения мнений и неравносильны подстрекательству, а также не относят какие-либо группы населения к категории низших. Комитет отмечает далее аргумент государства-участника о том, что решения его органов, отвечающих за уголовное преследование, не были явно произвольными, а также не были равносильными отказу в правосудии, и что не имеется никаких свидетельств повышенной опасности для заявителя или его членов стать жертвами преступных деяний в будущем (пункт 12.4 Мнения).

Комитету надлежит рассмотреть вопрос о том, подпадают ли заявления г-на Саррацина под какую-либо категорию запрещенных высказываний, о которых говорится в статье 4 Конвенции, и если да, то распространяется ли на эти заявления действие положения о "надлежащем учете", касающегося свободы выражения мнений, а также вопрос о том, являлось ли решение не возбуждать судебное преследование против г-на Саррацина явно произвольным или равносильным отказу в правосудии (пункт 12.5 Мнения).

Комитет принял к сведению содержание заявлений г-на Саррацина, касающихся турецкого населения Берлина, и отмечает, в частности, что он заявляет, что значительная часть турецкого населения не выполняет никакой продуктивной функции, за исключением торговли фруктами и овощами, что они не могут и не желают интегрироваться в немецкое общество и поощряют коллективную ментальность, которая является

производят" и должны будут "с течением времени исчезнуть", с тем чтобы уступить место городу "элиты".

агрессивной и унаследованной от предков. Для характеристики турецкого населения и других групп иммигрантов г-н Саррацин использует такие понятия, как продуктивность, интеллект и интеграция. В то время как он использует эти свойства в позитивной манере в отношении некоторых групп иммигрантов, например восточноевропейских евреев, применительно к турецкому населению он использует их в негативном смысле. Он заявляет, что турки захватывают Германию точно так же, как косовары захватили Косово: за счет повышенной рождаемости, и что он не возражал бы, если бы это были восточноевропейские евреи, у которых коэффициент интеллектуальности примерно на 15% выше, чем у немцев. Г-н Саррацин заявляет, что он не обязан принимать никого, кто живет за счет государства и отвергает это же государство, кто не прилагает никаких усилий для того, чтобы дать своим детям приемлемое образование, и кто лишь производит на свет девочек с платком на голове, и утверждает, что его утверждение справедливо в отношении 70% турецкого населения, проживающего в Берлине. Г-н Саррацин также создает эпитет для выражения своих идей о неполноценности турецкого населения и говорит, что среди других групп населения, включая немцев, "можно видеть "турецкую" проблему". Он также заявляет, что он запретил бы в целом приток мигрантов, за исключением высококвалифицированных лиц, и перестал бы давать иммигрантам социальную помощь. Комитет считает, что вышеупомянутые заявления содержат идеи расового превосходства, исключаящие уважение человеческой личности и отражающие обобщенные негативные характеристики турецкого населения, по смыслу статьи 4 Конвенции, а также представляют собой подстрекательство к расовой дискриминации с целью лишения этого населения доступа к социальной помощи и преследуют цель введения общего запрета на приток иммигрантов, за исключением высококвалифицированных лиц (пункт 12.6 Мнения).

Охарактеризовав заявления г-на Саррацина в качестве запрещенных высказываний по смыслу пункта 4 Конвенции, Комитет должен рассмотреть вопрос о том, является ли правильное мнение государства-участника о том, что эти заявления защищаются положением о "надлежащем учете", касающемся свободы выражения мнений (пункт 12.7 Мнения).

Признавая важность свободы выражения мнений, Комитет считает, что заявления г-на Саррацина были равносильны распространению идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, и содержали элементы подстрекательства к расовой дискриминации по смыслу пункта а) статьи 4 Конвенции. Концентрируясь на том факте, что заявления г-на Саррацина не являлись равносильными подстрекательству к расовой ненависти и не могли нарушить общественный порядок, государство-

участник не выполнило свое обязательство по проведению эффективного расследования вопроса о том, были ли заявления г-на Саррацина равносильны распространению идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти. Комитет считает также, что критерий нарушения общественного порядка, который принимается во внимание при оценке того, достигают ли заявления порога распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, неадекватно отражает в национальном законодательстве обязательство государства-участника, закрепленное в пункте 1 d) статьи 2, в частности потому, что ни пункт 1 d) статьи 2, ни статья 4 не содержат такого критерия (пункт 12.8 Мнения).

Выводы Комитета: Комитет приходит к выводу о том, что отсутствие эффективного расследования заявлений г-на Саррацина государством-участником равносильно нарушению пункта 1 d) статьи 2, статьи 4 и статьи 6 Конвенции (пункт 12.9 Мнения).

Сообщение: *Махали Давас и Юсеф Шаво против Дании.* Сообщения № 46/2009. Соображения Комитета от 6 марта 2012 года.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными судами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии⁸⁴ (пункт 7.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: В отношении данного дела Комитет отмечает, что после расследования этого правонарушения⁸⁵ полицией Прокуратура ходатайствовала о проведении уголовного разбирательства против четырех подозреваемых в суммарном порядке на основе заявлений обвиняемых о признании своей вины и постановила переqualифицировать обвинения с нарушения статьи 245 (1), которая предусматривает уголовную ответственность за конкретные деяния, носящие особо отвратительный, жестокий или опасный характер и влекущие максимальное наказание в виде шести лет тюремного заключения, на нарушение статьи 244 Уголовного кодекса, в которой предусматривается уголовная ответственность за нетяжкие насильственные деяния и более мягкое наказание – до трех лет

⁸⁴ См. сообщение № 40/2007, *Эр. против Дании*, мнение, принятое 8 августа 2007 года, пункт 7.2.

⁸⁵ Нападение 35 правонарушителей на дом заявителей 21 июня 2004 года и неоднократные случаи оскорблений расистского характера в адрес заявителей как в ходе нападения, так и до него.

тюремного заключения. В конечном итоге обвиняемые были приговорены к 50 дням тюремного заключения (условно). Комитет отмечает, что из-за суммарного судебного разбирательства и пересмотра обвинения уже на уровне уголовного расследования возможный расистский характер преступления был изъят из состава преступления и в ходе судебного разбирательства не рассматривался. Комитет далее отмечает, что 11 сентября 2007 года Окружной суд Нестведа отклонил иск заявителей в отношении морального ущерба на том основании, что им не удалось в достаточной степени обосновать расистскую мотивировку этого нападения или то, что оно иным образом было конкретно обусловлено расой, национальностью или этническим происхождением заявителей (пункт 7.2 Соображений).

Комитет отмечает бесспорность факта нападения 35 правонарушителей на дом заявителей 21 июня 2004 года и неоднократных случаев оскорблений расистского характера в адрес заявителей как в ходе нападения, так и до него. Не оспаривается также и то, что полиция сообщила об этом инциденте в Службу безопасности и разведки в соответствии с Меморандумом об уведомлении о совершении уголовных действий, имеющих потенциально расовую или религиозную мотивировку. Комитет отмечает, что государство-участник не смогло представить какую-либо информацию о последствиях такого уведомления, в частности о проведении какого-либо расследования в целях определения того, можно ли это нападение квалифицировать как подстрекательство к расовой дискриминации или ее акт (пункт 7.3 Соображений).

Комитет считает, что при таких серьезных обстоятельствах, как те, которые имели место в этом деле, когда заявители подверглись в своем собственном доме насильственному нападению со стороны 35 правонарушителей, некоторые из которых были вооружены, имеется достаточно элементов, требующих тщательного расследования по инициативе органов государственной власти в связи с возможным расистским характером нападения на эту семью. Вместо этого такая возможность была отклонена на уровне уголовного расследования, в результате чего данный вопрос в ходе уголовного судебного разбирательства даже не рассматривался. Комитет считает, что государство-участник было обязано возбудить эффективное уголовное расследование вместо того, чтобы возлагать на заявителей бремя доказывания в ходе гражданского судопроизводства. Комитет напоминает о своей практике, согласно которой при наличии угроз насилия и особенно тогда, когда они высказываются публично и группой, на государство-участник возлагается ответственность провести

расследование с должной тщательностью и оперативностью⁸⁶. Это обязательство действует в обстоятельствах данного дела, когда в нападении на семью фактически участвовали 35 человек (пункт 7.4 Соображений).

В свете такой неспособности эффективно защитить заявителей от предполагаемого акта расовой дискриминации и провести эффективное расследование, в результате чего заявители были лишены права на эффективную защиту и на средства правовой защиты против акта расовой дискриминации, о котором было сообщено, Комитет приходит к выводу о том, что статья 6⁸⁷ и пункт 1 d) статьи 2⁸⁸ были нарушены (пункт 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: С учетом обстоятельств данного дела и ссылаясь на свою общую рекомендацию № 31 (2005) о предупреждении расовой дискриминации в процессе отправления и функционирования системы уголовного правосудия, Комитет по ликвидации расовой дискриминации,

⁸⁶ Сообщение № 4/1991, *Л. К. против Нидерландов*, мнение, принятое 16 марта 1993 года, пункт 6.6.

⁸⁷ В силу статьи 6 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации «государства-участники обеспечивают каждому человеку, на которого распространяется их юрисдикция, эффективную защиту и средства защиты через компетентные национальные суды и другие государственные институты в случае любых актов расовой дискриминации, посягающих, в нарушение настоящей Конвенции, на его права человека и основные свободы, а также права предъявлять в эти суды иск о справедливом и адекватном возмещении или удовлетворении за любой ущерб, понесенный в результате такой дискриминации».

⁸⁸ В соответствии со статьей 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации «1. Государства-участники осуждают расовую дискриминацию и обязуются безотлагательно всеми возможными способами проводить политику ликвидации всех форм расовой дискриминации и способствовать взаимопониманию между всеми расами, и с этой целью: а) каждое государство-участник обязуется не совершать в отношении лиц, групп или учреждений каких-либо актов или действий, связанных с расовой дискриминацией, и гарантировать, что все государственные органы и государственные учреждения, как национальные, так и местные, будут действовать в соответствии с этим обязательством; б) каждое государство-участник обязуется не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, осуществляемую какими бы то ни было лицами или организациями; с) каждое государство-участник должно принимать эффективные меры для пересмотра политики правительства в национальном и местном масштабе, а также для исправления, отмены или аннулирования любых законов и постановлений, ведущих к возникновению или увековечению расовой дискриминации всюду, где она существует; d) каждое государство-участник должно, используя все надлежащие средства, в том числе и законодательные меры, в зависимости от обстоятельств, запретить расовую дискриминацию, проводимую любыми лицами, группами или организациями, и положить ей конец; e) каждое государство-участник обязуется поощрять в надлежащих случаях объединяющие многорасовые организации и движения, равно как и другие мероприятия, направленные на уничтожение расовых барьеров, и не поддерживать те из них, которые способствуют углублению расового разделения. 2. Государства-участники должны принимать, когда обстоятельства этого требуют, особые и конкретные меры в социальной, экономической, культурной и других областях, с целью обеспечения надлежащего развития и защиты некоторых расовых групп или лиц, к ним принадлежащих, с тем чтобы гарантировать им полное и равное использование прав человека и основных свобод. Такие меры ни в коем случае не должны в результате привести к сохранению неравных или особых прав для различных расовых групп по достижении тех целей, ради которых они были введены».

действуя в соответствии с пунктом 7 а) статьи 14 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 d) статьи 2 и статьи 6 Конвенции государством-участником (пункт 8 Соображений).

Тексты соображений (мнений) и общих рекомендаций Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/jurisprudence.htm>.

Правовые позиции Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений

(практика за 2007-2012 гг.)

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 года. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция).

Российская Федерация признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: *С.В.П. против Болгарии*. Сообщение № 31/2011. Мнения, утвержденные Комитетом 12 октября 2012 года.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 2 Конвенции государства-участники несут обязательство ликвидировать дискриминацию в отношении женщин любого возраста, включая девочек. Комитет далее напоминает, что определение дискриминации, содержащееся в статье 1 Конвенции, охватывает насилие в отношении женщин, так как это – насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она – женщина, и оказывающие на женщин несоразмерное воздействие, а также что это определение включает действия, причиняющие ущерб или страдания физического, психического или полового характера, угрозу совершения таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы. Гендерное насилие может приводить к нарушениям конкретных положений Конвенции вне зависимости от того, содержат ли эти положения недвусмысленное упоминание о насилии⁸⁹. Комитет также ссылается на свою Общую рекомендацию № 19, согласно которой государства-участники должны принимать надлежащие и эффективные меры в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин: будь-то со стороны государственных органов или частных лиц⁹⁰. Помимо этого, на государства-участники в соответствии со статьей 2 е) Конвенции может быть возложена ответственность за деяния,

⁸⁹ См. Общую рекомендацию Комитета № 19 (1992), пункт 6.

⁹⁰ См. там же, пункт 24 а).

совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации⁹¹ (пункт 9.3 Мнений).

Комитет напоминает, что пункты a), f) и g) статьи 2 устанавливают обязательство государств-участников предоставлять правовую защиту и отменять или изменять дискриминационные законы и нормы в качестве части политики ликвидации дискриминации в отношении женщин и обязательство принимать меры для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин⁹² (пункт 9.4 Мнений).

Комитет напоминает, что гендерное насилие является исключительно серьезной проблемой для здоровья женщин и что государства-участники должны обеспечивать принятие и эффективное применение законов и политики, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, в целях борьбы против насилия в отношении женщин и сексуальных надругательств над девочками и оказания надлежащих медицинских услуг; гендерно ориентированную профессиональную подготовку, с тем чтобы медицинские работники могли выявлять и устранять вредные для здоровья последствия насилия по признаку пола⁹³ (пункт 9.10 Мнений).

Комитет отмечает, что статья 15 Конвенции закрепляет принцип равенства перед законом и что в соответствии с этой статьей Конвенция предписывает обеспечивать защиту статуса женщин перед законом, будь то заявителя, свидетеля или жертвы, и что вышеизложенное включает право на адекватную компенсацию в случаях насилия, в том числе сексуального насилия⁹⁴ (пункт 9.11 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В настоящем случае Комитет отмечает, что нижеприведенные факты не были оспорены сторонами: дочь автора сообщения в 2004 году стала жертвой акта сексуального насилия; уголовное дело в отношении исполнителя этого преступления было возбуждено лишь 17 апреля 2006 года, т.е. по прошествии почти двух лет со дня совершения преступления; производство по делу было прекращено в июне 2006 года после одобрения судом соглашения между прокурором и обвиняемым, которое

⁹¹ См. там же, пункт 9.

⁹² См. Общую рекомендацию Комитета № 28 (2010), касающуюся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, пункт 31.

⁹³ См. Общую рекомендацию Комитета № 24 (1999) о женщинах и здоровье, пункт 15.

⁹⁴ См. Общую рекомендацию Комитета № 19, пункт 24 i).

предусматривало отсрочку исполнения приговора и не обеспечивало выплату компенсации за боль и страдания, перенесенные потерпевшей; решение суда по гражданским делам, обязавшего виновного выплатить компенсацию за "моральный ущерб", было вынесено лишь 5 февраля 2008 года после предъявления автором частного гражданского иска, т.е. четыре года спустя после совершения акта сексуального насилия в отношении дочери автора сообщения; решение де-факто не смогло быть исполнено с помощью механизмов, предусмотренных внутренним правом. Наряду с этим Комитет отмечает утверждения автора сообщения о неспособности государства-участника обеспечить ее дочери защиту от последствий сексуального насилия, включая неспособность обеспечить выплату компенсации и реабилитацию, что равносильно ее дискриминации и препятствует полному осуществлению ее прав человека о том, что женщины и девочки в Болгарии гораздо чаще, нежели мужчины, страдают от сексуального насилия и отказа государства принять серьезные меры по борьбе с таким насилием, основными жертвами которого в Болгарии являются девочки, и о неспособности государства-участника обеспечить им право на эффективную компенсацию ущерба, причиненного в результате насилия (пункт 9.2 Мнений).

Комитет далее отмечает, что государство-участник не предоставило какого-либо объяснения причин, по которым акт сексуального насилия в отношении дочери автора преследовался в уголовном порядке по обвинению в развратных действиях, а не в изнасиловании или покушении на изнасилование. Комитет считает, что факты данного дела свидетельствуют об анальном проникновении сексуального характера, совершенном частью тела исполнителя деяния, а также о покушении на изнасилование⁹⁵. Комитет отмечает, что в отношении исполнителя деяния было возбуждено уголовное дело по статье 149 Уголовного кодекса, что совершенное деяние не квалифицировалось в качестве тяжкого преступления и что наказание за такие акты сексуального насилия не было равнозначно наказанию, назначаемому по статье 152 Уголовного кодекса за изнасилование или покушение на изнасилование, и что в данном деле существовала и была использована возможность достижения соглашения. Комитет с озабоченностью отмечает, что обвиняемому было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на три года с отсрочкой исполнения приговора и что это наказание оказалось значительно ниже установленного законом максимального предела. Комитет считает, что в настоящем деле государство-участник не выполнило свою обязанность предпринять позитивные действия в

⁹⁵ См. определение изнасилования, содержащееся в статье 36 Конвенции Совета Европы о предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье, 11 мая 2011 года.

соответствии со статьей 2 b) Конвенции и принять надлежащие положения уголовно-правового характера с целью эффективного наказания изнасилования и сексуального насилия и применить их на практике посредством проведения результативного расследования и уголовного преследования обвиняемого⁹⁶. Оно также не приняло законодательные меры, способные обеспечить поддержку и защиту потерпевшей в результате такого насилия, что представляет собой нарушение пунктов а), f) и g) статьи 2 Конвенции (пункт 9.5 Мнений).

Комитет отмечает, что в 2006 году государство-участник внесло изменение в статью 149 Уголовного кодекса, квалифицировав деяния, перечисленные в пункте 1 статьи 149 Уголовного кодекса, в качестве "тяжких преступлений", и что по обвинениям, выдвинутым на основании этой статьи, невозможно достижение соглашения. Вместе с тем Комитет отмечает, что, несмотря на эти законодательные изменения, наказание за деяние, предусмотренное статьей 149, все еще остается более мягким, нежели наказание за изнасилование или покушение на изнасилование, и что преступления против половой неприкосновенности продолжают преследоваться как "развратные действия". Комитет далее отмечает, что в соответствии со статьей 158 Уголовного кодекса преступления, предусмотренные статьями 149–151 и 153, не наказываются или назначенное за их совершение наказание не отбывается, если до вступления приговора в законную силу между мужчиной и женщиной заключается брак. Вышеупомянутые статьи охватывают случаи развратных действий и изнасилования, включая изнасилование по статутному праву. Комитет считает, что такие законодательные положения не соответствуют положениям Конвенции, и напоминает, что в своих заключительных замечаниях по итогам рассмотрения объединенных четвертого–седьмого периодических докладов Болгарии он рекомендовал отменить статью 158 Уголовного кодекса⁹⁷. Комитет указывает, что государство-участник не пересмотрело и не отменило упомянутое положение закона в свете своих обязательств по статье 2 g) Конвенции. Комитет далее отмечает, что указанное положение отражает вредные гендерные стереотипы, противоречащие статье 5 Конвенции (пункт 9.6 Мнений).

Комитет также отмечает, что действующее законодательство, как представляется, не предусматривает никаких механизмов защиты жертв сексуального насилия от повторной виктимизации, поскольку лица, виновные в совершении таких деяний, возвращаются в общество после

⁹⁶ См. также постановление Европейского суда по правам человека по делу *М.К. против Болгарии*, жалоба № 39272/98 от 4 декабря 2003 года.

⁹⁷ См. заключительные замечания Комитета, CEDAW/C/BGR/CO/4-7, пункты 23 и 24.

завершения уголовного судопроизводства, и что не существует какого-либо правового механизма, такого как защитительный и/или ограничительный приказ, для обеспечения защиты потерпевших. Комитет полагает, что отсутствие подобных положений привело к нарушению прав дочери автора ввиду несоблюдения положений пунктов a), b), e), f) и g) статьи 2 в совокупности со статьей 3 и пунктом 1 статьи 5 Конвенции (пункт 9.7 Мнений).

Комитет также принимает к сведению представление государства-участника об осуществлении им различных программ в целях поощрения равенства женщин и мужчин в обществе, однако указывает, что государство-участник не предоставило какой-либо информации о связи этих программ с положением девочек – жертв сексуального насилия и, в особенности, с делом дочери автора. В частности, не было представлено никакой информации о мерах по борьбе с сексуальным насилием в отношении женщин и девочек и по ликвидации последствий такого насилия, затрагивающих осуществление закрепленных в Конвенции прав. В этой связи Комитет считает, что государство-участник нарушило права дочери автора сообщения применительно к пункту с) статьи 2 и статье 15 Конвенции (пункт 9.8 Мнений).

Комитет также отмечает, что государство-участник не представило никаких объяснений по поводу длительности досудебного разбирательства и, в частности, не ответило на вопрос, почему до предъявления обвинения совершившему деяние лицу прошло почти два года. Комитет далее отмечает, что, несмотря на наличие решения суда по гражданским делам, вынесенного в пользу потерпевшей, на сегодняшний день она не получила адекватной денежной компенсации за причиненные ей боль и страдания и что созданные государством-участником правовые механизмы, как представляется, не способны обеспечить ей получение такой компенсации⁹⁸ (пункт 9.9 Мнений).

Комитет принимает к сведению жалобы автора, в соответствии с которыми: государство-участник не обеспечило принятие правовых и политических мер, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, в целях борьбы против насилия в отношении женщин и сексуальных надругательств над девочками, а также надлежащие медицинские услуги; государство-участник не обеспечило профессиональную подготовку персонала по особым случаям сексуального насилия; в результате насилия, пережитого дочерью автора, с медицинской точки зрения она считается

⁹⁸ Представленные автором документы свидетельствуют о том, что до сегодняшнего дня ее дочь получила сумму, эквивалентную 500 евро, хотя автор и ее муж истратили 3 000 левов (1 500 евро) только в рамках исполнительной процедуры.

лицом с ограниченными возможностями; государство-участник не обеспечило оказание надлежащих особых медицинских услуг. Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что социальные работники из служб "защиты детей" инициировали по месту жительства "наблюдение за ребенком" в ходе судебного разбирательства, что согласно поставленному диагнозу девочка включена в категорию лиц с ограниченными возможностями, что ее перевели в специальную школу для таких детей и что с ребенком проводил работу школьный психолог. Вместе с тем Комитет отмечает, что автор оспорила утверждение о том, что социальные работники занимались делом ее дочери. Комитет далее констатирует, что государство-участник не представило информации в отношении каких-либо правил оказания медицинской помощи ребенку и процедур, касающихся пребывания в больнице, или медицинских услуг, предоставленных дочери автора сообщения непосредственно после совершения акта сексуального насилия, жертвой которого она явилась, и что весьма скудная информация была представлена в отношении оказанных потерпевшей медицинских услуг для устранения долгосрочных последствий насилия. Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не смогло обеспечить исполнения и применения политики, включая правила оказания медицинской помощи и процедуры, касающиеся пребывания в больнице, для устранения последствий сексуального насилия, пережитого потерпевшей, и что оно не обеспечило оказание надлежащих медицинских услуг в ее случае, и в этой связи считает, что государство-участник нарушило права дочери автора сообщения применительно к статье 12 Конвенции (пункт 9.10 Мнений).

В отношении жалобы автора на нарушение прав ее дочери по статье 15 Конвенции Комитет отмечает представление государства-участника, согласно которому суд по гражданским делам вынес решение в пользу истца и присудил выплату компенсации в счет возмещения морального ущерба дочери автора, однако отметил, что государство-участник не обеспечило эффективное исполнение этого судебного решения... Комитет отмечает, что государство-участник не обеспечило наличие надежной системы, позволяющей выплачивать эффективную компенсацию жертвам сексуального насилия, в том числе компенсацию морального ущерба, и что в государстве-участнике не существует какой-либо схемы правовой помощи в рамках исполнительской процедуры даже для жертв, которые входят в категорию лиц с ограниченными возможностями из-за пережитого сексуального насилия, таких как дочь автора сообщения. В этой связи Комитет полагает, что право жертвы на эффективную компенсацию нанесенного морального ущерба по пункту 1

статьи 15 в совокупности с пунктами с) и е) статьи 2 Конвенции было нарушено (пункт 9.11 Мнений)

Выводы: Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства и таким образом нарушило права дочери автора сообщения по пунктам а), b), с), е), f) и g) статьи 2 в совокупности со статьями 1 и 3 и пунктами а) и b) статьи 5, статьей 12 и пунктом 1 статьи 15 Конвенции (пункт 10 Мнений).

Сообщение: *В. К. против Болгарии.* Сообщение № 20/2008. Соображения (мнения), принятые Комитетом 25 июля 2011 года.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с общей рекомендацией № 19, дискриминация по смыслу статьи 1 включает насилие в отношении женщин по признаку пола⁹⁹. Такая дискриминация не сводится к действию со стороны или от имени правительств. Скорее, в соответствии с пунктом (е) статьи 2 Конвенции, государства-участники могут также нести ответственность за частные действия, если они не могут надлежащим образом предотвратить нарушения прав или проводить расследование и выносить наказание в связи с актами насилия, а также за предоставление компенсации¹⁰⁰ (пункт 9.3 Мнений).

Для того, чтобы автор могла на практике реализовать принцип равенства между женщинами и мужчинами и свои права человека и основные свободы, политическая воля, выраженная в этом специальном законодательстве, должна опираться на поддержку всех государственных субъектов, в том числе судов, которые связаны обязательствами государства-участника¹⁰¹ (пункт 9.4 Мнений).

Комитет вновь заявляет, что он не вправе пересматривать оценку фактов и доказательств, данную национальными судами или органами власти, за исключением случаев, когда такая оценка носит необоснованный характер или является дискриминационной в каком-либо другом отношении (пункт 9.6 Мнений).

⁹⁹ Общая рекомендация № 19 (1992) о насилии в отношении женщин, пункт 6.

¹⁰⁰ Там же, пункт 9.

¹⁰¹ См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, сообщение № 5/2005, *Хакан Гекче и другие против Австрии*, мнения, принятые 6 августа 2007 года, пункт 12.1.2, и сообщение № 6/2005, *Бану Акбак и другие против Австрии*, мнения, принятые 6 августа 2007 года, пункт 12.1.2.

Комитет напоминает, что насилие по признаку пола, представляющее собой дискриминацию по смыслу статьи 2, которая должна читаться в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией № 19, не требует доказательств прямой или непосредственной угрозы для жизни или здоровья пострадавшего. Такие проявления насилия не сводятся к действиям, которые наносят физический вред, но включают и действия, которые причиняют ущерб или страдания психического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы¹⁰² (пункт 9.8 Мнений).

Комитет отмечает, что такой стандарт доказанности¹⁰³ является чрезмерно высоким и не соответствует ни Конвенции, ни современным антидискриминационным стандартам, которые облегчают бремя доказывания, лежащее на потерпевших в ходе гражданских судебных разбирательств по жалобам на бытовое насилие (пункт 9.9 Мнений).

При изучении вопроса о насилии в семье Комитет рассмотрел статьи 5 и 16 совместно в своей общей рекомендации № 19. В своей общей рекомендации № 21 Комитет подчеркнул, что положения общей рекомендации 19..., касающиеся насилия в отношении женщин, имеют большое значение для способности женщин пользоваться правами и свободами на равной основе с мужчинами. Он неоднократно заявлял, что традиционные представления, согласно которым женщины находятся в подчиненном положении по отношению к мужчинам, способствуют насилию в отношении женщин. Комитет подтверждает, что Конвенция возлагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, которые нарушают положения Конвенции¹⁰⁴. Он также отмечает, в соответствии с пунктом (f) статьи 2 и пунктом (a) статьи 5 государство-участник обязано принять надлежащие меры для внесения изменений в существующие законы или нормативные акты или отменить их, а также в обычаи и практику, предусматривающие дискриминацию в отношении женщин, а в соответствии с пунктом 1 статьи 16 государства-участники должны принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. В связи с этим Комитет подчеркивает, что стереотипы негативно воздействуют на право женщин

¹⁰² Общая рекомендация № 19 (1992) о насилии в отношении женщин, пункт 6.

¹⁰³ Суды также применили крайне высокие стандарты доказанности, потребовав, чтобы акт совершения бытового насилия был доказан при отсутствии разумного сомнения, тем самым всецело возложив бремя доказывания на автора, и на основании собранных доказательств пришли к выводу, что конкретный акт бытового насилия не имел места.

¹⁰⁴ См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, сообщение № 18/2008, *Карен Таяг Вертидо против Филиппин*, мнения, принятые 16 июля 2010 года, пункт 8.4.

на справедливое разбирательство дела и что судебные органы должна проявлять осторожность, чтобы не создавать жестких стандартов на основании предубеждений в том, что является бытовым или гендерным насилием (пункт 9.11 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет считает, что сутью настоящего сообщения является утверждение автора о том, что государство-участник не смогло предоставить ей эффективную защиту от бытового насилия в нарушение пунктов (с) и (е)–(g) статьи 2, истолкованной в совокупности со статьей 1 и статьями 5(а) и 16 Конвенции (пункт 9.2 Мнений).

Перед Комитетом стоит вопрос о том, является ли отказ судов Пловдива издать постоянный приказ о защите от мужа автора, а также отсутствие мест в приютах, нарушением обязательства государства-участника по обеспечению эффективной защиты автора от бытового насилия (пункт 9.4 Мнений).

Для этого в первую очередь требуется, чтобы автор подала заявление о выдаче постоянного приказа о защите. В своей жалобе от 27 сентября 2007 года в региональный суд Пловдива она просила о «вынесении приказа о незамедлительной защите в соответствии с положениями пункта 1 статьи 18 Закона о защите от бытового насилия» и просила суд принять меры, предусмотренные пунктом 1 (подпункты 3 и 4) статьи 5 Закона, которая предписывает принятие мер защиты, которые могут быть введены судами как в случае издания постоянных приказов о защите, так и в случае выдачи судебного постановления о принятии незамедлительных защитных мер на период от 3 до 18 месяцев. Комитет отмечает, что тот факт, что автор попросила ввести такие меры на срок в один год, подразумевает, что она одновременно подала заявление о вынесении постоянного приказа о защите в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Закона (пункт 9.5 Мнений).

Комитет напоминает, что решение окружного суда Пловдива об отказе в вынесении постоянного приказа о защите в основном опиралось на исходное положение, что в течение соответствующего периода в один месяц с 27 августа по 27 сентября 2007 года в отношении автора или ее детей не совершались акты бытового насилия со стороны ее мужа и не существовало непосредственной угрозы для их жизни и здоровья. После подачи апелляции региональный суд Пловдива пришел к заключению, что автор не подтвердила тот факт, что удар, нанесенный ей мужем 21 сентября 2007 года, является актом насилия, возложив бремя доказывания на автора: «...В соответствии с описанием, нанесение удара не ассоциируется с нарушением физической [неприкосновенности] истца

или, по меньшей мере, об этом не было заявлено и не было представлено никаких доказательств. Нанося удар кому-либо, вы можете совершить акт насилия, но только после превышения определенных пределов противоправного деяния, и в данном случае в заявлениях В. К. отсутствует четкое подтверждение того, как именно был нанесен удар, в частности, на день проведения процедуры, и как была нарушена ее неприкосновенность» (пункт 9.7 Мнений).

В пункте 1 статьи 2 Закона о защите от бытового насилия дается определение бытового насилия как «любого акта физического, сексуального, психологического, эмоционального или экономического насилия, а также попытки совершить такое насилие, любого насильственного ограничения личной жизни, личной свободы и личных прав, в отношении родственников или лиц, которые состоят в семейных отношениях или проживают совместно». Комитет отмечает, что, хотя для вынесения приказа о незамедлительной защите в соответствии с пунктом 1 статьи 18 Закона требуется, чтобы жалоба потерпевшего «включала данные о прямой, непосредственной или возможной угрозе для жизни или здоровья пострадавшего лица», наличия такой угрозы не требуется для вынесения постоянного приказа о защите. В пункте 1 статьи 4 Закона лишь предусматривается, что «в случае бытового насилия пострадавшее лицо имеет право обращаться в суд за защитой» (пункт 9.8 Мнений).

Комитет делает заключение о том, что окружной суд Пловдива, принимая решение от 18 декабря 2007 года в отношении постоянного приказа о защите в соответствии с подпунктами 1, 3 и 4 пункта 1 статьи 5 Закона о защите от бытового насилия, а также региональный суд Пловдива в своем апелляционном решении от 7 апреля 2008 года применили крайне ограничительное определение бытового насилия, которое не подтверждается Законом и несовместимо с обязательствами государства-участника по пунктам (с) и (d) статьи 2 Конвенции, которые являются частью системы обеспечения правопорядка государства-участника и непосредственно применяются в нем. Оба суда сосредоточили внимание исключительно на вопросе прямой и непосредственной угрозы для жизни и здоровья автора и ее физической неприкосновенности, игнорируя эмоциональные и психологические страдания. Кроме того, оба суда неоправданно лишили себя возможности рассмотрения предыстории бытового насилия, описанного автором, интерпретируя чисто процедурное требование статьи 10 Закона о защите от бытового насилия, а именно то, что просьба о выдаче приказа о защите должна быть подана в течение одного месяца с даты совершения акта бытового насилия, чтобы исключить рассмотрение прошлых инцидентов, которые имели место до соответствующего периода в один

месяц. Суды также применили крайне высокие стандарты доказанности, потребовав, чтобы акт совершения бытового насилия был доказан при отсутствии разумного сомнения, тем самым всецело возложив бремя доказывания на автора, и на основании собранных доказательств пришли к выводу, что конкретный акт бытового насилия не имел места. Комитет отмечает, что такой стандарт доказанности является чрезмерно высоким и не соответствует ни Конвенции, ни современным антидискриминационным стандартам, которые облегчают бремя доказывания, лежащее на потерпевших в ходе гражданских судебных разбирательств по жалобам на бытовое насилие (пункт 9.9 Мнений).

Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола от государства-участника требовалось принять надлежащие конкретные временные меры по обеспечению защиты автора и ее детей. В своем ответе государство-участник заверило Комитет в том, что автор и ее дети пользуются всесторонней защитой, необходимой для того, чтобы избежать непоправимого вреда для них, и им обеспечена физическая и интеллектуальная неприкосновенность. Комитет также напоминает о том, что первоначально он исходил из того, что государство-участник принимает «все необходимые меры защиты, чтобы избежать нанесения непоправимого вреда автору и ее детям и продолжать обеспечивать их физическую и интеллектуальную неприкосновенность». Однако Комитет подчеркивает, что это понимание вопроса было основано на сжатой оценке риска непоправимого вреда автору и не включало определение приемлемости и существа сообщения в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола (пункт 9.10 Мнений).

Комитет считает, что мнение окружного и регионального судов Пловдива о том, что основанием для срока в один месяц, в течение которого пострадавшему необходимо подать заявление о вынесении приказа о защите (пункт 1 статьи 10 Закона о защите от бытового насилия), является обеспечение срочного судебного вмешательства, а не осуществление полицейского надзора за сожителями партнерами, свидетельствует о недостаточном учете гендерной проблематики, что является следствием предвзятого суждения о том, что бытовое насилие в значительной мере является личным делом, относящимся к сфере частной жизни, которая, в принципе, не должна подлежать контролю со стороны государства. Аналогичным образом, как отмечалось выше, исключительное внимание судов Пловдива к физическому насилию и непосредственной угрозе для жизни и здоровья пострадавшего лица является следствием стереотипного и крайне узкого подхода к пониманию того, что следует считать бытовым насилием. Такое стереотипное толкование понятия бытового насилия проявилось в

мотивировке решения регионального суда Пловдива: «Нанося удар кому-либо, вы можете совершать акт насилия, но только после превышения определенных пределов противоправного деяния, и в данном случае в заявлениях В. К. отсутствие четкое подтверждение того, как именно был нанесен удар, в частности, на день проведения процедуры, и как была нарушена ее неприкосновенность». Традиционное стереотипное представление о роли женщины в браке также можно обнаружить в постановлении окружного суда Пловдива о расторжении брака от 8 мая 2009 года, в котором имеются ссылки на использование автором «бранных слов» по отношению к своему мужу и содержатся предписание, чтобы после расторжения брака автор сменила фамилию на девичью. Комитет приходит к выводу о том, что отказ судов Пловдива издать постоянный приказ о защите в отношении мужа автора был основан на стереотипных, предвзятых и, следовательно, дискриминационных представлениях о том, что является бытовым насилием (пункт 9.12 Мнений).

Комитет считает также, что отсутствие мест в приютах, где автор с детьми могли бы остановиться по возвращении в Болгарию в сентябре 2007 года, — факт, о котором сообщила автор и который государство-участник не опровергло, — является нарушением государством-участником своего обязательства по пунктам (с) и (е) статьи 2 Конвенции об обеспечении безотлагательной защиты женщин от насилия, включая насилие в семье. В связи с этим Комитет напоминает о своей общей рекомендации № 19, касающейся насилия в отношении женщин (пункт 9.13 Мнений).

И наконец, Комитет хотел бы признать, что автор сообщения понесла моральный и материальный ущерб и вред. Даже если предположить, что она непосредственно не подвергалась физическому насилию в семье после окончательного отказа (с возложением судебных издержек) от 7 апреля 2008 года в удовлетворении ее заявления о вынесении постоянного приказа о защите, она тем не менее в значительной мере страдала от страха и отчаяния после окончания судебного разбирательства, касающегося приказа о защите, когда она и ее дети остались без защиты государства, а также от новых преследований из-за гендерных стереотипов, на которых основаны решения суда (пункт 9.14 Мнений).

Выводы: Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства и тем самым нарушило права автора, предусмотренные пунктами (с), (d) и (f) статьи 2 в сочетании со статьей 1 и пунктом (а) статьи 5 в сочетании с пунктом 1 статьи 16 Конвенции (пункт 9.15 Мнений).

Сообщение: *Карен Таяг Вертидо против Филиппин.* Сообщение № 18/2008. Мнение Комитета принято 16 июля 2010 года.

Правовые позиции Комитета: Комитет, признавая, что в тексте Конвенции четко не закрепляется право на правовую защиту, заявляет в то же время, что такое право подразумевается Конвенцией, в частности в статье 2(с), в которой государства-участники обязаны «установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации»... Он считает, что, для того чтобы правовая защита была эффективной, решения по делам об изнасиловании должны приниматься с соблюдением принципов справедливости, своевременности и оперативности (пункт 8.3 Мнений).

Комитет далее напоминает, что Конвенция налагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники могут нести ответственность за судебные решения, нарушающие положения Конвенции. Комитет отмечает, что статьи 2(f) и 5(a) обязывают государство-участник принимать соответствующие меры для изменения или отмены не только действующих законов и положений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. В этой связи Комитет подчеркивает, что наличие стереотипов оказывает воздействие на право женщин на объективное и справедливое судебное разбирательство и что судебные органы обязаны проявлять осторожность, с тем чтобы не создавать жесткие стандарты в отношении того, какими должны быть женщины или девочки и каково должно быть их поведение, когда они подвергаются изнасилованию, с учетом лишь предвзятых представлений о том, что такое жертва изнасилования или же жертва гендерного насилия в более широком понимании. Далее Комитет ссылается на свою общую рекомендацию № 19 по проблеме насилия в отношении женщин. В этой общей рекомендации рассматривается вопрос о том, могут ли государства-участники нести ответственность за поведение негосударственных субъектов, исходя из того, что «... по смыслу Конвенции дискриминация не ограничивается действиями, которые совершаются правительствами или от их имени ...», и что «... в соответствии с общими нормами международного права и положениями конкретных пактов о правах человека на государства может быть также возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, если государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия,

наказания виновных и выплаты компенсации». В данном конкретном случае необходимо определить, соблюдало ли государство-участник обязательство принимать надлежащие меры по искоренению гендерных стереотипов в соответствии со статьями 2(f) и 5(a) и в какой степени учитывался гендерный фактор в ходе судебного разбирательства по делу автора (пункт 8.4 Мнений).

Комитет напоминает о своей общей рекомендации № 19 от 29 января 1992 года по вопросу о насилии в отношении женщин, в пункте 24(b) которой четко говорится, что «государства-участники должны обеспечить, чтобы законы, направленные против насилия и надругательств в семье, изнасилований, сексуальных нападений и других актов гендерного насилия, гарантировали надлежащую защиту всем женщинам и обеспечивали уважение их чести и достоинства». При рассмотрении докладов государств-участников Комитет неоднократно уточнял, что изнасилование представляет собой нарушение права женщин на личную безопасность и физическую неприкосновенность и что его важнейшим элементом является отсутствие согласия (пункт 8.7 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет рассмотрит утверждения автора о том, что гендерные мифы и стереотипные представления об изнасиловании и жертвах изнасилований серьезно повлияли на принятие судьей Хофиленья-Еуропа в региональном суде города Давао ее решения (на основании статьи 335 пересмотренного Уголовного кодекса 1930 года) о вынесении оправдательного приговора обвиняемому, а также выяснение того, является ли это нарушением прав автора и несоблюдением государством-участником соответствующих обязательств положить конец дискриминации в этом правовом процессе по смыслу статей 2(c), 2(f) и 5(a) Конвенции. Комитет будет рассматривать только вышеупомянутые вопросы. Комитет не будет рассматривать вопрос о том, нарушило ли государство-участник свои обязательства по статье 2(d), которые Комитет считает маловажными в данном деле. Что более важно, Комитет настаивает на том, что он не подменяет собой местные власти при рассмотрении фактов дела и не будет заниматься установлением уголовной ответственности предполагаемого нарушителя (пункт 8.2 Мнений).

Комитет отмечает, что в соответствии с доктриной *stare decisis* Суд, при применении касающихся изнасилования положений пересмотренного Уголовного кодекса 1930 года и материалов дел об изнасилованиях в аналогичных обстоятельствах, полагался на руководящие принципы, вытекающие из судебных прецедентов. Комитет обращает внимание на

то, что уже в самом начале решения содержится ссылка на три общих руководящих принципа, применяющихся при рассмотрении дел об изнасиловании. Комитет полагает, что, даже хотя эти руководящие принципы конкретно не упоминаются в самом решении, они существенно повлияли на ход рассмотрения дела. Комитет считает, что один из них, в частности руководящий принцип, в соответствии с которым «легко обвинить в изнасиловании», сам по себе свидетельствует о гендерной предубежденности. Что касается гендерных мифов и стереотипов, которые, по заявлению автора, присутствуют во всем тексте решения и были конкретно указаны ею, то после тщательного рассмотрения основных элементов, определивших принятие решения, Комитет отмечает следующее. Он обращает внимание прежде всего на то, что, хотя в судебном решении упоминаются такие принципы, как: физическое сопротивление не является основанием для установления факта изнасилования; поведение людей, находящихся в условиях эмоционального стресса бывает неодинаковым; отсутствие со стороны жертвы попытки убежать не отрицает факта совершения изнасилования; и «в любом случае закон не налагает на жертву изнасилования брмени доказывания попытки изнасилования», — из текста решения явствует, что при оценке правдивости показаний автора судья руководствовалась не этими принципами, а своими представлениями о том, каким должно было быть поведение потерпевшей до, во время и после изнасилования с учетом обстоятельств, а также характера и личности автора. Решение свидетельствует о том, что судья усмотрела противоречивость в поведении потерпевшей, когда сначала она сопротивлялась, а потом поддалась, и судья увидела в этом проблему. Комитет отмечает, что Суд в своем решении не принял во внимание тот принцип, согласно которому «отсутствие со стороны пострадавшей попытки убежать не отрицает факта изнасилования», а вместо этого ожидал от автора определенной модели поведения, поскольку, по мнению Суда, она не является «робкой женщиной, которую легко запугать». Из решения явно следует, что оценка достоверности описания автором происшедших событий была сделана под влиянием ряда стереотипов, поскольку в данной ситуации автор не вела себя так, как ожидается от рациональной и «идеальной жертвы» или же так, как судья сочла бы рациональным и идеальным поведение женщины, подвергающейся изнасилованию; все это явно следует из решения:

«Почему же она тогда не попыталась выскочить из машины, когда обвиняемый притормозил, чтобы не врезаться в стену, когда она схватилась за руль? Почему она не вышла из машины и не позвала на помощь, когда машина притормозила перед въездом в гараж мотеля? Почему она не осталась в ванной, куда она вбежала и закрылась после входа в комнату мотеля? Почему она не позвала на помощь, когда она услышала, что обвиняемый с кем-то разговаривает? Почему она не

выбежала из мотеля через дверь гаража, когда, как она утверждает, она могла это сделать....? Почему она согласилась сесть в машину с обвиняемым ПОСЛЕ того, как он, согласно ее утверждениям, ее изнасиловал, если он при этом не заставлял ее садиться в машину с помощью каких-либо угроз или применения силы?»

Хотя Верховным судом Филиппин установлен юридический прецедент, заключающийся в том, что для доказательства отсутствия согласия нет необходимости устанавливать, что обвиняемому пришлось преодолеть физическое сопротивление потерпевшей, Комитет считает, что представление о том, что автор должна была оказывать сопротивление в данных обстоятельствах, в определенной степени закрепляет тот стереотип, что хорошо образованные, умеющие хорошо выражать свою мысль, порядочные и замужние женщины не могут подвергнуться изнасилованию. Комитет подчеркивает в этой связи, что ни в законе, ни в практической деятельности не должно быть никаких предположений относительно того, что женщина дала свое согласие, если она не оказала физического сопротивления нежелаемому сексуальному поведению, независимо от того, угрожал ли правонарушитель применением физического насилия или совершил такое насилие. (пункт 8.5 Мнений).

Кроме того, в судебном решении имеются и другие заблуждения, в частности в нем содержится несколько ссылок на стереотипное представление о мужской и женской сексуальности, которое придает больше достоверности заявлениям предполагаемого насильника, чем показаниям потерпевшей. Комитет с обеспокоенностью отмечает в этой связи выводы судьи, по мнению которой трудно поверить, что человек на седьмом десятке лет смог бы достичь оргазма, если бы автор сопротивлялась сексуальному нападению. В решении были приняты во внимание и другие обстоятельства, например было уделено большое внимание тому факту, что автор и обвиняемый знали друг друга, а это также является примером влияния «гендерных мифов и стереотипов» (пункт 8.6 Мнений).

Комитет признает в заключение, что автор сообщения понесла моральный и психологический ущерб и пострадала от проявленных в ее отношении предрассудков, в частности в результате чрезмерно длительного судебного разбирательства и ее повторной виктимизации в виде использования стереотипов и гендерных мифов в качестве оснований для принятия решения (пункт 8.8 Мнений).

Выводы: Действуя в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и с учетом вышеуказанных соображений, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и

тем самым нарушило права автора по смыслу статей 2(с) и (f) и статьи 5(a), которые должны читаться в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией № 19 Комитета (пункт 8.9 Мнений).

Сообщение: *Бану Акбак, Гюлен Хан и Мелиссы Ёздемир против Австрии.* Сообщение № 6/2005. Мнение, принятое Комитетом 6 августа 2007 года.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своей общей рекомендации № 19, касающейся насилия в отношении женщин. В этой рекомендации общего характера анализируется вопрос о возможности привлечения государств-участников к ответственности за поведение негосударственных субъектов и говорится, что «... согласно Конвенции, дискриминация не ограничивается действиями, совершаемыми самими правительствами или от их имени»... и что «в соответствии с общими нормами международного права и конкретными пактами в области прав человека государство может нести также ответственность за действия частных лиц, если оно не проявляет должной заботливости, чтобы предотвратить нарушения прав или расследовать акты насилия и наказать виновных в их совершении, а также чтобы выплатить компенсацию» (пункт 12.1.1 Мнений).

Однако для того, чтобы женщины, пострадавшие от бытового насилия, могли на практике реализовать свои права человека и основные свободы на основе принципа равноправия мужчин и женщин, необходимо, чтобы политическая воля... была поддержана государственными субъектами, приверженными соблюдению обязательств государства-участника о проявлении должной заботливости (пункт 12.1.2 Мнений).

Комитет считает, что обеспечение прав правонарушителя не может иметь преимущественной силы по сравнению с обеспечением прав женщин на жизнь и охрану их психического и физического здоровья¹⁰⁵ (пункт 12.1.5 Мнений).

В своей общей рекомендацией № 19 Комитет указал, что определение дискриминации включает насилие по признаку пола. Он признал также, что существуют связи между традиционными представлениями, согласно которым считается, что по сравнению с мужчинами женщины имеют более низкий социальный статус и могут подвергаться бытовому насилию (пункт 12.2 Мнений).

¹⁰⁵ См. пункт 9.3 мнений Комитета в отношении сообщения № 2/2003, А.Т. против Венгрии.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государством-участником был создан комплексный механизм борьбы с бытовым насилием, включающий меры законодательного характера, уголовно-правовые и гражданско-правовые средства защиты, деятельность по информации и пропаганде, по просвещению и профессиональной подготовке, организацию убежищ, оказание консультационной поддержки жертвам насилия и работу с правонарушителями. (пункт 12.1.2 Мнений).

В рассматриваемом случае Комитет принимает к сведению неоспоримую цепь событий, приведших к убийству Фатьмы Йилдирим, в частности тот факт, что Ирфан Йилдирим постоянно пытался вступить с ней в контакт, а также по телефону и лично угрожал убить ее, несмотря на то, что ему было временно запрещено возвращаться в квартиру, где он проживал с супругой, в район, непосредственно прилегающий к месту их проживания, и на ее место работы и вступать с ней в контакт, а также несмотря на регулярные вмешательства полиции. Комитет отмечает также, что Фатьма Йилдирим предпринимала позитивные и решительные усилия с целью разорвать отношения со своим супругом и спасти свою жизнь: она выехала из квартиры со своей несовершеннолетней дочерью, находилась в постоянном контакте с полицией, обращалась с просьбой установить судебный запрет в отношении Ирфана Йилдирима и выдать санкцию на привлечение его к ответственности (пункт 12.1.3 Мнений).

Комитет считает, что факты свидетельствуют о том, что сложившаяся ситуация была исключительно опасной для Фатьмы Йилдирим, о чем австрийские власти были или должны были быть осведомлены, и что с учетом этого прокурор не должен был отвечать отказом на поступавшие от полиции просьбы дать санкцию на арест Ирфана Йилдирима и помещение его под стражу. В связи с этим Комитет отмечает, что в случае расторжения брака Ирфан Йилдирим мог потерять очень многое (полученный им вид на жительство в Австрии действовал лишь при условии сохранения его семейного статуса — статуса женатого мужчины) и что этот факт мог повлиять на то, насколько опасным он стал (пункт 12.1.4 Мнений).

По мнению Комитета, не приняв меры в целях задержания Ирфана Йилдирима, государство-участник тем самым нарушило свое обязательство о проявлении должной заботливости в целях обеспечения защиты Фатьмы Йилдирим. Хотя государство-участник настаивает на том, что в тот момент выдача ордера на арест представлялась непропорционально жесткой мерой, Комитет считает (и эта позиция изложена в его мнениях в отношении еще одного сообщения о бытовом насилии), что обеспечение прав правонарушителя не может иметь

преимущественной силы по сравнению с обеспечением прав женщин на жизнь и охрану их психического и физического здоровья¹⁰⁶ (пункт 12.1.5 Мнений).

Выводы: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении прав покойной Фатьмы Йилдирим, на жизнь, а также физическое и психическое здоровье предусмотренных в статье 2, пункты (а) и (с) (f), и статье 3 Конвенции, взятых в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией 19 Комитета (пункт 12.3 Мнений).

Тексты соображений (мнений) и общих рекомендаций Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/CEDAWIndex.aspx>

¹⁰⁶ См. пункт 9.3 мнений Комитета в отношении сообщения № 2/2003, А.Т. против Венгрии.

Правовые позиции Комитета ООН по правам инвалидов и практика их реализации при рассмотрении конкретных сообщений

Комитет ООН по правам инвалидов действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Сообщение: *Х.М. против Швеции.* Сообщение № 3/2011. Соображения, принятые Комитетом 19 апреля 2012 года.

Тема сообщения: отказ дать разрешение на строительство гидротерапевтического бассейна для реабилитации лица с физическими недостатками на основании несоответствия данного строительства положениям плана городского развития.

Вопросы существа: цель Конвенции; дискриминация по признаку инвалидности; разумное приспособление; закрепленные в Конвенции общие принципы; общие обязательства по Конвенции; равенство и недискриминация; доступность; право на жизнь; свобода и личная неприкосновенность; самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество; индивидуальная мобильность; здоровье; абилитация и реабилитация; надлежащий уровень жизни и социальная защита.

Правовые позиции Комитета: Ссылаясь на третий абзац статьи 2 Конвенции, Комитет напоминает о том, что «дискриминация по признаку инвалидности» означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области». Комитет отмечает, что закон, применяемый нейтральным образом, может оказывать дискриминационное воздействие, если не учитываются особые обстоятельства отдельных лиц, в отношении которых он применяется. Право не подвергаться дискриминации при пользовании правами, гарантируемыми Конвенцией, может быть нарушено, если государство, без объективных и разумных на то оснований, не относится дифференцированно к лицам, положение которых значительно отличается (пункт 8.2 Соображений).

В определении «дискриминации по признаку инвалидности», содержащемся в третьем абзаце статьи 2 Конвенции, ясно говорится о том, что «она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении». Кроме того, в четвертом абзаце статьи 2 говорится, что «разумное приспособление» означает внесение, когда это

нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и корректив, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод» (пункт 8.4 Соображений).

Комитет напоминает, что в связи с правом на здоровье в статье 25 Конвенции говорится, что "государства-участники признают, что инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности. Государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, учитывающим гендерную специфику, в том числе к реабилитации по состоянию здоровья" (пункт 8.6 Соображений).

В то же время статья 26 Конвенции, где речь идет об абилитации и реабилитации, предусматривает, что "государства-участники принимают, в том числе при поддержке со стороны других инвалидов, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни" посредством осуществления комплексных абилитационных и реабилитационных услуг и программ таким образом, чтобы эти услуги и программы "начинали реализовываться как можно раньше и были основаны на многопрофильной оценке нужд и сильных сторон индивида" (пункт 8.7 Соображений).

В этой связи Комитет напоминает положение пункта b) статьи 19 Конвенции, в соответствии с которым государства-участники обязаны принимать эффективные и надлежащие меры в целях содействия полной реализации инвалидами равного права жить в обычных местах проживания и участвовать в делах местного сообщества, обеспечивая, чтобы "инвалиды имели доступ к разного рода оказываемым на дому, по месту жительства и иным вспомогательным услугам на базе местного сообщества, включая персональную помощь, необходимую для поддержки жизни в местном сообществе и включения в него, а также для недопущения изоляции или сегрегации от местного сообщества" (пункт 8.9 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению утверждение автора о дискриминации ввиду того, что при рассмотрении ее ходатайства о разрешении на строительство гидротерапевтического бассейна, который удовлетворял бы ее

реабилитационные потребности, компетентные органы государства-участника не применили принцип соразмерности и не сопоставили ее потребность в использовании находящегося в ее собственности земельного участка для строительства гидротерапевтического бассейна с общей заинтересованностью в сохранении данной территории в строгом соответствии с планом развития. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Закон о планировании и строительстве применяется в равной степени в отношении всех, будь то инвалид или нет, и что в этом Законе нет положений, которые опосредованно приводили бы к дискриминации в отношении инвалидов (пункт 8.2 Соображений).

В рассматриваемом случае из представленной Комитету информации вытекает, что состояние здоровья автора является критическим и доступ к гидротерапевтическому бассейну в домашних условиях имеет важнейшее значение и является эффективным – в данном случае единственным эффективным – средством удовлетворения ее медицинских потребностей. Поэтому подходящие модификации и коррективы требуют отклонения от плана развития, с тем чтобы можно было построить гидротерапевтический бассейн. Комитет отмечает, что государство-участник не сообщило, станет ли такое отклонение "несоразмерным или неоправданным бременем". В этой связи Комитет констатирует, что Закон о планировании и строительстве позволяет отходить от плана развития и что, следовательно, можно, когда это нужно в конкретном случае, ходатайствовать о разумном приспособлении для обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими и без какой бы то ни было дискриминации всех прав человека. Поэтому, исходя из представленной ему информации, Комитет не может сделать вывод о том, что санкционирование отклонения от плана развития в случае с автором станет "несоразмерным и неоправданным бременем" для государства-участника (пункт 8.5 Соображений).

В этой связи Комитет отмечает, что, отклоняя ходатайство автора о разрешении на строительство, государство-участник не рассматривает особые обстоятельства ее положения и ее особые, связанные с инвалидностью потребности. Поэтому Комитет полагает, что решения местных органов отказать в отклонении от плана развития для строительства гидротерапевтического бассейна были несоразмерными и оказали дискриминационное воздействие, которое негативно сказалось на доступе автора как инвалида к медицинскому уходу и реабилитации, необходимым с учетом ее конкретного состояния здоровья (пункт 8.8 Соображений).

Комитет далее принимает к сведению заявление автора о том, что в отсутствие гидротерапевтического бассейна внутри дома ее, возможно, придется разместить в специальном медицинском учреждении и что государство-участник не опровергло утверждения автора... Отклонение ходатайства автора о разрешении на строительство лишило ее доступа к гидротерапии – единственному средству, которое могло бы поддерживать ее жизнь и включение в местное сообщество. Поэтому Комитет делает вывод о том, что права автора по пункту b) статьи 19 Конвенции¹⁰⁷ были нарушены (пункт 8.9 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по пункту 1 статьи 5,¹⁰⁸ пункту 3 статьи 5, пункту b) статьи 19, статьям 25¹⁰⁹ и 26,¹¹⁰ рассматриваемым отдельно и в

¹⁰⁷ Согласно статье 19 Конвенции о правах инвалидов «Государства-участники настоящей Конвенции признают равное право всех инвалидов жить в обычных местах проживания, при равных с другими людьми вариантах выбора, и принимают эффективные и надлежащие меры для того, чтобы содействовать полной реализации инвалидами этого права и их полному включению и вовлечению в местное сообщество, в том числе обеспечивая, чтобы: а) инвалиды имели возможность выбирать наравне с другими людьми свое место жительства и то, где и с кем проживать, и не были обязаны проживать в каких-то определенных жилищных условиях; б) инвалиды имели доступ к разного рода оказываемым на дому, по месту жительства и иным вспомогательным услугам на базе местного сообщества, включая персональную помощь, необходимую для поддержки жизни в местном сообществе и включения в него, а также для недопущения изоляции или сегрегации от местного сообщества; с) услуги и объекты коллективного пользования, предназначенные для населения в целом, были в равной степени доступны для инвалидов и отвечали их ¹⁰⁸нуждам».

¹⁰⁸ В силу статьи 5 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники признают, что все лица равны перед законом и по нему и имеют право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации. 2. Государства-участники запрещают любую дискриминацию по признаку инвалидности и гарантируют инвалидам равную и эффективную правовую защиту от дискриминации на любой почве. 3. Для поощрения равенства и устранения дискриминации государства-участники предпринимают все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления. 4. Конкретные меры, необходимые для ускорения или достижения фактического равенства инвалидов, не считаются дискриминацией по смыслу настоящей Конвенции».

¹⁰⁹ В силу статьи 25 Конвенции о правах инвалидов «Государства-участники признают, что инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности. Государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, учитывающим гендерную специфику, в том числе к реабилитации по состоянию здоровья. В частности, государства-участники:

а) обеспечивают инвалидам тот же набор, качество и уровень бесплатных или недорогих услуг и программ по охране здоровья, что и другим лицам, в том числе в области сексуального и репродуктивного здоровья и по линии предлагаемых населению государственных программ здравоохранения;

б) предоставляют те услуги в сфере здравоохранения, которые необходимы инвалидам непосредственно по причине их инвалидности, включая раннюю диагностику, а в подходящих случаях - коррекцию и услуги, призванные свести к минимуму и предотвратить дальнейшее возникновение инвалидности, в том числе среди детей и пожилых;

с) организуют эти услуги в сфере здравоохранения как можно ближе к местам непосредственного проживания этих людей, в том числе в сельских районах;

д) требуют, чтобы специалисты здравоохранения предоставляли инвалидам услуги того же качества, что и другим лицам, в том числе на основе свободного и информированного согласия посредством, среди прочего, повышения осведомленности о правах человека, достоинстве, самостоятельности и нуждах инвалидов за счет обучения и принятия этических стандартов для государственного и частного здравоохранения;

е) запрещают дискриминацию в отношении инвалидов при предоставлении медицинского страхования и страхования жизни, если последнее разрешено

сочетании с пунктами b), d) и e) статьи 3 и пунктом 1 d) статьи 4 Конвенции. Поэтому Комитет формулирует для государства-участника следующие рекомендации: 1. в отношении автора: государство-участник обязано принять правовые меры в связи с нарушением прав автора по Конвенции, включая повторное рассмотрение ее ходатайства о разрешении на строительство гидротерапевтического бассейна, с учетом Соображений Комитета. Государству-участнику следует также предоставить автору надлежащую компенсацию за расходы, связанные с рассмотрением настоящего сообщения;

2. общего характера: государство-участник обязано принять меры во избежание аналогичных нарушений в будущем, в том числе обеспечив, чтобы его законодательство и то, как его применяют национальные суды, соответствовали обязательствам государства-участника обеспечивать, чтобы законодательство не имело целью или результатом умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав инвалидов (пункт 9 Соображений).

Тексты соображений Комитета ООН по правам инвалидов находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRPD/Pages/Jurisprudence.aspx>

***Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики
Верховного Суда Российской Федерации***

национальным правом, и предусматривают, что оно предоставляется на справедливой и разумной основе;

f) не допускают дискриминационного отказа в здравоохранении или услугах в этой области либо получении пищи или жидкостей по причине инвалидности».

10 Согласно статье 26 Конвенции о правах инвалидов «1. Государства-участники принимают, в том числе при поддержке со стороны других инвалидов, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы наделять инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни. С этой целью государства-участники организуют, укрепляют и расширяют комплексные абилитационные и реабилитационные услуги и программы, особенно в сфере здравоохранения, занятости, образования и социального обслуживания, таким образом, чтобы эти услуги и программы:

a) начинали реализовываться как можно раньше и были основаны на многопрофильной оценке нужд и сильных сторон индивида;

b) способствовали вовлечению и включению в местное сообщество и во все аспекты жизни общества, имели добровольный характер и были доступны для инвалидов как можно ближе к местам их непосредственного проживания, в том числе в сельских районах. 2. Государства-участники поощряют развитие начального и последующего обучения специалистов и персонала, работающих в сфере абилитационных и реабилитационных услуг. 3. Государства-участники поощряют наличие, знание и использование относящихся к абилитации и реабилитации ассистивных устройств и технологий, предназначенных для инвалидов».